W 518/310

В Арсен
5/XI

Любезному брату

Константину Николаевичу

Бодиско.

на память.

А. Гончаревич

С. Петербург.
10го Ноября 1844.

РОДЪ
КНЯЖЕВИЧЕЙ.

Алексѣй Кирѣевичъ

Imprimerie Lithographie de Braun & Cie

W 518/310

РОДЪ

Княжевичей.

ОДЕССА.

1842.

2007043270

Knežević... na poštenje!

изъ Сербо-Далматинской
Народной Пѣсни.

Елисаветѣ Алексѣевнѣ

Княжевичъ.

Вамъ, примиритель Князевичей въ Россіи, посвящаетъ описаніе происхожденія и распространенія «Рода Князевичей».

исполненный безпредѣльной
преданности къ Вамъ
и ко всѣмъ Вашимъ,

Н. Надеждинъ.

25 марта 1842.
Одесса.

ВЛАДИСЛАВУ МАКСИМОВИЋУ

КЊЖЕВИЋУ.

Я далъ вамъ слово, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Владиславъ Максимовичъ, собрать подробныя свѣдѣнія о вашей фамиліи на мѣстѣ, откуда она ведетъ свое начало. Слово сдержано, какъ видите: а какъ сдержано — судите сами!

До отъѣзда за-границу, мнѣ извѣстно было только то, что вашъ покойный батюшка выѣхалъ въ Россію изъ Гостича, мѣстечка въ Военной-Кроаціи въ полку Лишкомъ. Больше ничего не зналъ и Дмитрій Максимовичъ. Итакъ съ Гостича мы начали свои поиски; но нашли родину вашего батюшки и корень вашей фамиліи — не тамъ! Все это вы увидите изъ подробнаго дневника нашего путешествія, который прилагается здѣсь «вмѣсто предисловія».

Но къ чему предисловіе? спросите вы.

Къ полной исторіи рода Княжевичей, которую я имѣлъ терпѣніе составить по-ученому, aus den Quellen, какъ говорятъ Нѣмцы, со всею роскошью примѣчаній и цитатъ. Исторію эту повелъ я хоть и не отъ Адама, даже не отъ Столпотворенія и не отъ Взятія Трои, но все — надо признаться — довольно издалека. Мнѣ хотѣлось про-

яснить, какъ съумѣлось, исторію не только вашего рода, но и вашей родины, или лучше прародины. Вамъ это можетъ показаться излишнимъ и скучнымъ; но мнѣ трудъ мой доставилъ истинное удовольствіе.

Что дѣлать? У меня еще остаются старыя профессорскія замашки. Всякое дѣло я люблю отдѣлывать строго, отчетливо, систематически. Не даромъ-же говорится въ извѣстной комедіи Гоголя, что «таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ, что ученый человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси»!

Я надѣюсь однако, что вы, читая эти листки въ Маріинѣ, «ради скуки», по-крайней-мѣрѣ не велите выносить оттуда святыхъ, а можетъ-быть позовете и нарочно какую-нибудь святую душу послушать.

П. П.

Одесса.
10 февраля 1842.

То въ колясѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ.

Пѣсня.

$^{5}/_{17}$ мая.

Рано утромъ поднялись мы съ своего ночлега въ Лѣшѣ. Для завтрака приготовили намъ кофе съ овечьимъ молокомъ, котораго я отвѣдалъ теперь въ первый разъ въ жизни.

Дорога пошла черезъ небольшую высоту, называемую Корена-Гора, которою запирается съ юга долина рѣчки Гацки. Здѣсь мы проѣхали черезъ маленькую деревеньку Караулу, напоминающую имѣемъ своимъ владычество Турковъ, требовавшее неусыпной осторожности и бдительной стражи по возвышенностямъ.

Передъ нами открылся исполинскій хребетъ Велебича во всемъ своемъ могучемъ величіи. Мы съѣзжали въ долину рѣчки Лики, которая разстилается до самаго подножія колосса, ровнымъ, гладкимъ ковромъ. Утро было прекрасное. Солнце, выкатившееся изъ-за горъ, играло радужными, переливными огнями, на діадимѣ снѣговъ, вѣнчавшихъ гордое, под-

облачное чело Высочицы, одной изъ главныхъ вершинъ Велебича.

Спустившись на равнину, мы встрѣтили довольно порядочное селеніе, называемое Кварть. Вправо отъ него, у самой дороги, блеститъ маленькое озерко, которое зовется Подгреда. Дѣвойки, освѣженныя утреннею прохладою, съ яркимъ румянцемъ здоровья и юности на щекахъ, весело спѣшили сюда за водою. Влѣвѣ, на высотѣ, поросшей густымъ лѣсомъ, воздымается величественный, уже разваливающійся, но еще не совсѣмъ развалившійся, замокъ, которому имя Щитаръ: его называютъ также Витезова-Кула, то-есть Замокъ Витязя.

Окрестности Кварта исполнены преданіями и легендами, ведущими начало отъ стародавнихъ, незапамятныхъ временъ. Здѣсь видны явные слѣды и признаки древняго пребыванія Римлянъ. По полю, окружающему селеніе, находятъ тесаные четвероугольные каменья (quadra), отъ которыхъ, думаютъ, и самое имя Кварта получило свое происхожденіе. Изъ нихъ одинъ покрытъ большою латинскою надписью, которая къ-сожалѣнію слишкомъ повреждена и ставитъ рѣшительно въ тупикъ здѣшнихъ археологовъ. Сверхъ-того попадается множество мелкихъ камешковъ, какъ-будто обломковъ мозаики. Монеты римскія и византійскія также отыскиваются въ изобиліи. Память народа не

простирается такъ далеко, какъ проницательность ученыхъ гробокопателей. Туземные поселяне приписываютъ всѣ эти памятники какой-то «Црной-Кралицѣ», то-есть Черной Королевѣ, которая будто-бы здѣсь имѣла когда-то свою резиденцію, и о которой вообще у Славянъ, прибрежныхъ Адріатикѣ, ходитъ множество темныхъ, отрывочныхъ сказокъ.

Скоро мы достигли до Перушича, большаго селенія при ротномъ дворѣ, также съ развалинами кулы или замка. Здѣсь находится почтовая станція; но мы не имѣли нужды останавливаться на ней, потому-что ѣхали на-долгихъ. За Перушичемъ равнина становится все шире и шире, отъ запада къ востоку. Велебичъ, казалось, былъ отъ насъ — рукой-подать; но до него оставалось еще далеко. Мы ѣхали добрыхъ часа полтора. Наконецъ открылись впереди группы домиковъ и шпицы церквей. Это былъ Госпичъ, главное мѣстечко и полковой штабъ полка *Личскаго*.

Мы поѣхали прямо къ почтовому двору, въ надеждѣ, по указанію Сеньскаго почтмейстера, найти тамъ удобную квартиру и имѣть подъ рукой лошадей для продолженія путешествія. Но насъ предупредилъ нѣсколькими минутами Гай *, почевавшій, какъ оказалось, въ

* Докторъ Людевитъ Гай, извѣстный славянистъ и патріотъ, живущій въ Загребѣ (Agram), гдѣ онъ издастъ свою знаменитую

Перушичѣ. Коляска наша въѣхала уже на дворъ, какъ почтмейстерша, женщина съ звонкимъ и рѣзкимъ голосомъ, высунувшись изъ окошка еще въ утреннемъ дезабилье, объявила намъ рѣшительный отказъ и въ квартирѣ и въ лошадяхъ. Все досталось Гаю, который хотя всталъ съ ночлега и позже насъ, да ночевалъ ближе къ Госпичу. Видите-ли, что не всегда вѣрна пословица: « кто раньше всталъ, тому Богъ далъ! » Какъ это было утѣшительно для меня, природнаго, заклятаго врага ранняго вставанья! —

Но не утѣшительно было остаться вдругъ ни при чемъ, безъ крова и пристанища, подъ голымъ, хотя и прекрасно-голубымъ, небомъ. Къ-счастію, добрый пост-кнехтъ указалъ намъ въ сосѣдствѣ «биртію», родъ постоялаго дома, гдѣ мы дѣйствительно нашли особую камору, предоставленную въ полное наше распоряженіе, съ обѣщаніемъ въ скорости приготовить и обѣдъ, также одну изъ существенныхъ потреб-

---

«Плирскую Даницу» (Денницу), въ-самомъ-дѣлѣ «денницу» умственнаго и литературнаго возрожденія для Славянъ-Кроатовъ. Мы съѣхались съ нимъ случайно въ Сенѣ (Zeng), откуда онъ, также какъ и мы, предпринималъ путешествіе вдоль Адріатическаго-Моря до Черной-Горы. Съ нимъ находился сопутникомъ Антонъ Мажураничъ, профессоръ гимназіи Загребской. Выѣхавъ въ одинъ день изъ Сеня, мы потомъ безпрестанно то съѣзжались, то разъѣзжались, до-тѣхъ-поръ какъ, на обратномъ пути изъ Черной-Горы, встрѣтясь въ послѣдній разъ въ Дубровникѣ (Ragusa), здѣсь и простились окончательно.

ностей путешественниковъ. Между-тѣмъ кучеръ нашъ никакъ не могъ выдвинуть коляски обратно съ почтоваго двора. Надо было руками переносить наши вещи оттуда въ отъисканную квартиру.

Наблюдая за этою операціею, мы стояли передъ почтовымъ домомъ, на площади, главной и единственной въ Госпичѣ, украшенной изрядною католическою церковью и зданіями, въ которыхъ помѣщается команда мѣстечка и полка. Это сдѣлало насъ предметомъ общаго вниманія и любопытства. Изъ команды явился ветеранъ съ требованіемъ паспортовъ для визы, которые тотчасъ и были ему отданы. Проходящіе останавливались возлѣ насъ поглазѣть на незнакомыя лица, вѣроятно являющіяся здѣсь рѣдко. Мы сказали Вуку *, чтобы онъ началъ теперь-же розыски о Княжевичахъ. Тому только было и надобно, чтобъ имѣть поводъ пуститься въ неизсякаемое разглагольствованіе. Онъ самъ началъ останавливать тѣхъ, которые не останавливаясь проходили мимо, съ вопросами: не знаютъ-ли они — есть-ли здѣсь, или гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ, какіе-нибудь Княжевичи?—Всѣ отвѣчали отрица-

---

* Вукъ Стефановичъ-Караджичъ, извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ Сербскихъ, живущій теперь постоянно въ Вѣнѣ, вызвался насъ провожать по всѣмъ странамъ Южныхъ-Славянъ, которыя мы собрались посѣтить, и дѣйствительно совершилъ съ нами все путешествіе, отъ Тріеста обратно до Вѣны.

тельно. Иные припоминали, что Княжевичи бывали здѣсь когда-то, но это было уже очень давно. Наконецъ одинъ старичокъ, добровольно подошедшій къ обставшему насъ кружку, вслушавшись, о чемъ идетъ дѣло, сказалъ коротко, но положительно: «Княжевичей здѣсь нѣтъ, а есть двѣ сестры покойнаго маіора Мата Княжевича: одна госпожа Ляличка, другая госпожа Мануйловичка *.» — Гдѣ-жь онѣ живутъ? — «Госпожа Мануйловичка здѣсь, не далеко», отвѣчали дружнымъ хоромъ всѣ предстоявшіе. Нѣкоторые изъ нихъ вызвались тутъже проводить насъ къ ней, если намъ угодно.

Въ-самомъ-дѣлѣ, по окончаніи переноски вещей, мы отправились немедленно, всѣ трое, въ домъ госпожи Мануйловички, какъ ближайшій къ нашей квартирѣ. Насъ ввели въ довольно просторную комнату въ родѣ залы, гдѣ три дѣвушки сидѣли, занимаясь рукодѣльемъ. Это были три дочери госпожи Мануйловички. На объявленіе, что мы пришли видѣться съ ихъ

---

* «Лялička» и «Мануйловичка» значитъ супруга или дочь «Лялича» и «Мануйловича». По-настоящему, женскія фамильныя имена, по-сербски, должно оканчивать на «*ица*»; слѣдовательно, надобно-бъ было говорить «Лялица» и «Мануйловица». Такъ дѣйствительно и говорится въ простомъ народѣ. Но въ образованномъ обществѣ утвердилось обыкновеніе оканчивать всѣ эти имена на «*ичка*»: обыкновеніе, первоначально родившееся у Венгерскихъ Сербовъ. Итакъ, почтеннѣйшую Марью Ивановну, на-примѣръ, должно величать по-сербски: «Њена Ексцелленција госпоја Марица Княжевичка»!

матерью, одна изъ дѣвушекъ встала и пошла въ другую комнату за нею. Явилась почтенная старушка, въ глубокихъ лѣтахъ, но еще бодрая.

Вукъ былъ у насъ толмачемъ, такъ-какъ мы, хотя и разумѣли, но не могли говорить по-сербски. Онъ повелъ рѣчь издали, и мало-по-малу дошелъ до маіора Мата Кнежевича. На лицахъ дѣвушекъ изображалось возрастающее любопытство. Старушка отвѣчала спокойно, что это былъ родной ея братъ. Тогда Вукъ спросилъ ее: не слыхивала-ли она когда о своемъ родственникѣ Максимѣ Кнежевичѣ, который уѣхалъ въ Россію?— Старушка отвѣчала утвердительно. Вукъ помолчалъ, потомъ, возвысивъ голосъ и указывая на Дмитрія Максимовича, сказалъ: «Это сынъ Максима Кнежевича, знавшій лично въ Вѣнѣ и вашего покойнаго брата!»— На глазахъ старушки навернулись слезы. Дѣвицы громко зарыдали. Сцена была для всѣхъ трогательная! И у меня засвербѣли глаза. Вукъ потупилъ лице въ землю, крутя свои длинные усы...

Госпожа Мануйловичка, вдова лейтенанта, провела всю жизнь свою въ Госпичѣ. Она сообщила намъ только подробности о собственномъ своемъ житьѣ-бытьѣ и о смерти маіора Мата. Единственный сынъ ея, также лейте-

нантъ, находится на службѣ въ Вѣнѣ *. Маіоръ Мато, кажется, былъ главною опорою ся съ сиротами. Дѣвицы не могли произносить имени его безъ новыхъ слезъ, и увѣряли, что находятъ въ Дмитріѣ Максимовичѣ разительное сходство съ покойникомъ. По словамъ госпожи Мануйловички, отъ рода ихъ, по смерти брата, не осталось никого, кромѣ ся съ сестрою. Три другіе, бывшіе у нихъ, брата, еще прежде, давно, умерли бездѣтные . . .

При прощаніи, мать и дочери осыпали Дмитрія Максимовича горячими благословеніями. . . Мы вышли съ грустію. Итакъ никого не осталось, никого нѣтъ ! .. Единственныя вѣтви корня, нѣкогда здѣсь процвѣтавшаго, сохранились только на дальнемъ сѣверѣ ! Судьба ! . .

Возвратясь въ свою квартиру, мы нашли тамъ одного стараго офицера, знакомца Вукова, который ожидалъ съ нетерпѣніемъ не только Вука, но и насъ. Ему уже сказали, что мы отъискиваемъ Княжевичей. — « Господа ! » сказалъ онъ, поздоровавшись съ нами : « Княжевичей надо искать не здѣсь, а на Удбинѣ. Тамъ ихъ грунты и кучи **. Тамъ ихъ должно

---

* Въ-послѣдствіи, мы встрѣтили г. Мануйловича и его жену, дочь генерала Радошевича, въ Загребѣ, куда присланъ былъ онъ изъ Вѣны по порученію.

** «Куча» значитъ по-сербски «домъ». Замѣчательно, что и у насъ въ Россіи, именно въ Рязанской губерніи, простой народъ называетъ свои домы также «кучами».

быть еще очень много.»—На Удбинѣ? Гдѣ-жь эта Удбиня?— «Удбиня — рота Личскаго-же полка — которая находится тамъ, близъ самой границы Турецкой, подъ Плѣшивицею!»—Гм! примолвилъ Вукъ. Я знаю хорошо Удбиню. Я бывалъ тамъ. На обратномъ пути изъ Далмаціи, если намъ не удастся пробраться черезъ Босну, мы можемъ проѣхать черезъ Удбиню!— Надежда снова блеснула...

Ничего больше не оставалось дѣлать въ Госпичѣ. Въ ожиданіи лошадей, о которыхъ предоставлено было хлопотать Вуку, и обѣда, который еще готовился, Дмитрій Максимовичъ сѣлъ писать письма, я отправился бродить по мѣстечку. Ничего не нашелъ я любопытнаго и замѣчательнаго на узкихъ, кривыхъ, безлюдныхъ улицахъ, обставленныхъ большей-частью бѣдными лачужками. Только съ удовольствіемъ остановился на нѣсколько минутъ, вышедши на крутой берегъ рѣчки Новчицы, протекающей внутри Госпича, среди густыхъ, тѣнистыхъ, живописно разбросанныхъ садовъ. Возвращаясь назадъ, я услышалъ звонкіе голоса пѣсенъ, раздававшихся изъ дома, сосѣдняго съ почтовымъ. Гай и сопутникъ его Мажураничъ попались мнѣ на встрѣчу. Они шли въ домъ, слушать пѣсни. Я присоединился къ нимъ. Мы вошли въ огромную компату, гдѣ десятка полтора женщинъ и дѣвушекъ занима-

лись кройкою и шитьемъ платья. Это была полковая швальня. Веселыя швейки встрѣтили насъ безъ всякой застѣнчивости, продолжая дѣло и пѣсни. Я жаждалъ послушать въ первый разъ народныхъ пѣсенъ Сербскихъ, сдѣлавшихся столь славными во всей Европѣ, благодаря усердію и трудамъ Вука. Къ-сожалѣнію, это были пѣсни книжныя, сочиненныя нынѣшними городскими поэтами. Такъ цивилизація проникаетъ всюду, къ ущербу чистой народности! Впрочемъ пѣніе было очень стройно, живо, отъ души; точно-какъ у насъ на «вечеринцахъ» или «посидѣлкахъ». Славянскія дѣвушки раждаются пѣвицами. Правду говорятъ венгерская пословица: «гдѣ Мадярка, тутъ гиѣвъ; гдѣ Славянка, тутъ спѣвъ!»

Отобѣдали часовъ около двухъ по полудни. Вукъ между-тѣмъ нанялъ до Задра (Zara) колесницу и коней изъ вольныхъ. О коняхъ свидѣтельствовалъ «бирташъ», то-есть хозяинъ биртіи, что кони добрые. На счетъ колесницы онъ также не скупился на похвалы; но Вукъ, при этомъ щекотливомъ пунктѣ, крутилъ только усы и хранилъ благоразумное молчаніе. Явились наконецъ и кони и колесница, совершенно готовые къ отъѣзду. Что-же? Это была простая русская телѣга, или лучше крымская маджара, безъ всякихъ суетныхъ украшеній, во всей своей первобытной простотѣ! Услужливый и

предусмотрительный автомедонъ — старый сербинъ, впрочемъ «буневацъ», то-есть католикъ— хозяинъ лошадей и экипажа, чтобы предохранить насъ отъ солнца, утвердилъ надъ телѣгою нѣсколько дугъ изъ прутьевъ, на которыя накинулъ сверху мохнатую рогожу; кромѣ-того, не позабылъ бросить и внутрь нѣсколько охапокъ травы, чтобы сидѣть было мягче. На такія подушки и подъ такой балдахинъ должны были взгромоздиться мы, не безъ затрудненія. Съ шумомъ и трескомъ, покатились мы черезъ Госпичъ. Дорога шла мимо дома госпожи Мануйловички. Вѣроятно предупрежденныя о нашемъ выѣздѣ, дѣвушки стояли у окошекъ, и въ послѣдній разъ, со слезами на глазахъ, съ нами раскланялись....

$^{6}/_{18}$ іюня.

....Около полдней, мы пріѣхали въ селеніе Удбинно. Надо было покормить лошадей и себя. Но гдѣ? Вукъ давно твердилъ, что у него есть здѣсь хорошій знакомецъ, старикъ Гаіо Омчикусъ, очень богатый, но — прибавлялъ онъ притомъ — ужасный скряга. Это рѣшило насъ искать лучше биртіи. Намъ указали на двѣ дрянныя лачужки, когда мы спросили: гдѣ

здѣсь биртія? Но ни въ той, ни въ другой, не оказалось ровно ничего съѣдобнаго: даже ни яицъ, ни молока. Что тутъ дѣлать? Вукъ закостылялъ на своей деревянной ногѣ къ домику Омчикуса, который весьма не казистый снаружи, стоялъ не-подалеку, съ тѣмъ чтобы спросить у старика, по нашему наказу: гдѣ-бы можно было остановиться? Черезъ нѣсколько минутъ, онъ воротился назадъ, въ сопровожденіи самого Омчикуса, который — послѣ обыкновеннаго сербскаго привѣтствія: «*добро дошли*»!— безъ комплиментовъ объявилъ намъ, что мы должны идти къ нему въ домъ, гдѣ уже давно про насъ изготовлена квартира. Мы покорились приглашенію, въ которомъ, при отсутствіи нѣжности, видѣлось искреннее радушіе.

Чудный старикъ этотъ Омчикусъ! Ему, вѣрно, уже гораздо за семьдесятъ. По-крайней-мѣрѣ, онъ очень хорошо помнитъ Марію-Терезію, а при Іосифѣ II былъ уже во всѣхъ кампаніяхъ. Время сгорбило его колоссальный ростъ, смяло атлетическія, богатырскія формы; но онъ еще совсѣмъ крѣпокъ на ногахъ, бодръ и свѣжъ какъ не-льзя лучше. Глаза его сверкаютъ яркимъ огнемъ, когда онъ говоритъ о своихъ походахъ, когда вспоминаетъ, какъ билъ и рѣзалъ Турковъ. Назадъ тому лѣтъ пять, при неудовольствіяхъ, возникшихъ на границѣ меж-

ду Австрійцами и Туркамп, Омчикусъ, давно уже выписанный изъ дѣйствительной службы, взялъ свое завѣтное ружье и присоединился къ батальону, который двинулся на границу, чтобы обуздать и отразить силу силою, въ случаѣ нужды. — Куда ты, старый? спросилъ его командиръ. — «Хочу въ послѣдній разъ, передъ смертью, сжечь еще хоть одну турецкую кучу и застрѣлить хоть одного невѣрнаго!» отвѣчалъ спокойно Омчикусъ. — Разставшись съ службою, Омчикусъ пустился въ торговлю, разумѣется мелочную; и умѣлъ себѣ точно нажить порядочный, по-здѣшнему, деньги. Но онъ не измѣнилъ нисколько своего прежняго суроваго образа жизни, чѣмъ естественно нажилъ себѣ, кромѣ денегъ, славу скупца и скряги. И теперь онъ былъ передъ нами, въ грубомъ платьѣ толстаго сукна, вытошенномъ до-нельзя, отягченномъ разноцвѣтными заплатами. Но онъ не скупился дать хорошее воспитаніе своимъ сыновьямъ, которые всѣ занимаютъ теперь почетныя должности и изъ которыхъ одинъ извѣстенъ какъ любитель и знатокъ мѣстныхъ древностей. Устроивъ дѣтей, старикъ теперь живетъ одинъ съ женою, какъ ему хочется, какъ душѣ угодно, не боясь и не слушая никакихъ толковъ.

Онъ ввелъ насъ въ небольшую комнатку, уставленную иконами, посудою, сундуками,

точь-въ-точь какъ горница нашего русскаго зажиточнаго крестьянина подмосковныхъ селеній, или купца дальнихъ уѣздныхъ городковъ. Даже, къ довершенію сходства, въ сторонкѣ на столикѣ лежали четыре огромные фоліанта въ русскомъ обыкновенномъ переплетѣ церковныхъ книгъ, взглянувъ на которые, я увидѣлъ наши русскія Четіи-Минеи, печатанныя въ Москвѣ. Закладки, положенныя въ разныхъ мѣстахъ книгъ, показывали, что онѣ лежали здѣсь не просто для одного украшенія.

— «Долго-же вы путовали!» сказалъ Омчикусь, усадивъ насъ. «Мы васъ ждемъ давно!»

— Какъ ждете? Откуда вы свѣдали, что мы сюда будемъ?

— «Э! э! Мы все знаемъ, подхватилъ Омчикусь, смѣясь. Мы знаемъ, какъ вы были въ Госпичѣ, какъ искали тамъ Кнежевичей, и никого не нашли. А они всѣ здѣсь.»

— Гдѣ-же здѣсь?

— «Потерпите немножко. Прежде надобно вамъ поѣсть. Мы съ хозяйкой ужъ отобѣдали. Ну, да найдется что-нибудь и про васъ. Я между-тѣмъ пошлю сказать Кнежевичамъ. А тамъ поведемъ васъ въ тотъ самый домъ, гдѣ родился Максимъ Кнежевичъ. Вѣдь я его помню. Мы были съ нимъ, думаю, ровесники, или я можетъ-быть не много старше. Только мнѣ съ

рапнихъ лѣтъ довелось служить; а ему выпала другая судьба.»

Явилась хозяйка, жена Омчикуса, старуха тоже лѣтъ подъ семдесятъ, но такая-же бодрая, живая, и чрезвычайно суетливая. Она захлопоталась всл. Сама подносла намъ «ракіи» (водки); потомъ приготовила «каву» (кофе). Между-тѣмъ Вукъ, заглянувъ на кухню, увидѣлъ, что обѣдъ для насъ только-что началъ готовиться. Услышавъ о томъ, Дмитрій Максимовичъ изъявилъ желаніе прежде обѣда посѣтить домъ своихъ предковъ. Омчикусъ не сталъ противорѣчить. Онъ взялъ свою «капу» (шапку) и палку, и пошелъ указывать намъ дорогу. Хромой Вукъ остался дома.

Мы пошли внизъ съ высоты, на которой расположено селеніе Удбина, по направленію къ востоку. Омчикусъ шагалъ впереди, точно богатырь въ семи-мильныхъ сапогахъ, такъ-что мы едва поспѣвали за нимъ. На половинѣ дороги намъ встрѣтились двое мущинъ, которые не шли, а бѣжали: одинъ лѣтъ уже подъ пятьдесятъ; другой, съ небольшимъ за двадцать. Увидѣвши насъ, они остановились. То были Княжевичи, Дано и Наво: первый — двоюродный племянникъ покойнаго Максима Дмитріевича; второй — родной, отъ роднаго брата. Оба они, обласканные Дмитріемъ Максимовичемъ, воротились назадъ съ нами. На лицахъ

ихъ изображались и радость, и изумленіе, и родственная горячность, и съ тѣмъ вмѣстѣ глубокая, благоговѣйная почтительность.

Наконецъ мы достигли группы домиковъ, своевольно раскиданныхъ въ густой зелени деревьевъ. То было селеніе Мутиличъ. Мы вошли въ одинъ домикъ, не отличающійся ничѣмъ отъ своихъ сосѣдей. Это былъ тотъ самый, въ которомъ родился Максимъ Дмитріевичъ, который принадлежалъ его отцу и теперь принадлежитъ его роднымъ племянникамъ.

Святая, патріархальная простота, царствовала внутри. Никакого убранства, никакихъ признаковъ богатства и роскоши. Мебель самая смиренная, состоящая изъ утварей, необходимыхъ для сельскаго домашняго обихода. Въ одномъ углу стояли «кросна»: такъ называется здѣсь ткацкій домашній станъ. Впрочемъ все было въ порядкѣ, въ опрятности, въ чистотѣ. На одной стѣнѣ висѣли, въ рамочкахъ за стекломъ, двѣ картинки. Смотрю: это силуэты Дмитрія Максимовича и Владислава Максимовича, съ ихъ собственноручными подписями. Я указалъ ихъ Дмитрію Максимовичу; и онъ вспомнилъ, что эти силуэты сдѣланы были въ Вѣнѣ для покойнаго Мата Кнежевича. Маіоръ имѣлъ деликатность отдать ихъ въ прародительскій домъ Кнежевичей, гдѣ они и сохраняются теперь, какъ фамильное сокровище.

Боже, ты мой, Боже! думалъ я. Можно-ль было ожидать, чтобы я здѣсь, за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, встрѣтился лицемъ-къ-лицу съ Владиславомъ Максимовичемъ? И онъ, въ своемъ Маринѣ, вѣрно теперь не воображаетъ, чтобы я наслаждался его лицезрѣніемъ — гдѣ? — на берегахъ Адріатики!..

Пока мы осматривали вокругъ домъ, Дано Кнежевичъ собрался съ духомъ. Онъ пустился въ воспоминанія и расказы. Максимъ Дмитріевичъ оставилъ родину, прежде-нежели онъ родился на свѣтъ. Но онъ засталъ свѣжую о немъ память. Съ жаромъ расказывалъ онъ, какъ братья Максима Дмитріевича получили письмо изъ Россіи, въ которомъ Максимъ Дмитріевичъ извѣщалъ ихъ, что имѣетъ непремѣнное желаніе увидѣть еще разъ свою родину, что скоро пріѣдетъ къ нимъ и привезетъ съ собой старшаго сына своего Дмитрія. Смерть помѣшала ему сдержать обѣщаніе; но братья, не зная о томъ, все ожидали его съ года на годъ: младшій изъ нихъ Илія, отецъ Пава Кнежевича, женившись, далъ первому своему сыну также имя Дмитрія, въ честь русскаго изгнанника. Кончину Максима Дмитріевича они узнали уже отъ маіора Мата, который съ тѣмъ вмѣстѣ извѣстилъ ихъ, что трое сыновей его живутъ въ Вѣнѣ. Дано сказывалъ потомъ, какъ

они неотступными просьбами вымолили у маіора силуэты — по его « образы » — своихъ русскихъ родичей. Здѣсь всѣ три, говорилъ онъ: то-есть « образы » всѣхъ трехъ братьевъ! Но одинъ—(Александра Максимовича) — выпросилъ себѣ еще прежде лейтенантъ Симо, братъ мой. Вдова его никакъ не хочетъ съ нимъ разстаться. Да мы вытребуемъ, непремѣнно вытребуемъ, что она ни говори, какъ ни отнѣкивайся! примолвилъ онъ запальчиво, почти съ сердцемъ.

Когда мы вышли изъ дома, на дворѣ стоялъ цѣлый рядъ мужчинъ и женщинъ. Все это были Княжевичи, принадлежащіе или къ поколѣнію Ильи, роднаго брата Максима Дмитріевича, который оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей, или къ поколѣнію Дана, у котораго также четыре сына. Оба эти поколѣнія соединены закономъ въ одно нераздѣльное семейство, у котораго все общее: домашній бытъ и служебная повинность, земля и хозяйство, труды и прибытки. Есть еще два поколѣнія Княжевичей, происходящія отъ той-же самой линіи, какъ и Максимъ Дмитріевичъ, кромѣ тѣхъ, которые принадлежатъ къ другой линіи, произведшей въ числѣ прочихъ маіора Мата. Изъ нихъ, на этотъ разъ, никого не случилось.

Дано указалъ не вдалекѣ бѣлѣющійся домъ, отличной отъ прочихъ архитектуры, болѣе на городскую стать.

— Это куча покойнаго маіора Мата, сказалъ онъ. Но теперь, примолвилъ съ печальнымъ вздохомъ, и домъ и грунтъ уже не наши, не рода Княжевичей.

— Отчего-жь?

— «А оттого» — подхватилъ Омчикусъ сурово — «что маіоръ Мато, человѣкъ умный, подъ конецъ жизни сдѣлалъ дурачество. Переселяясь отсюда въ Нанчову, онъ отдалъ въ казну свой наслѣдственный грунтъ и всю недвижимость, съ-тѣмъ-чтобы жена, по смерти его, получала пенсію. Это не хорошо! Родовое не должно выходить вонъ изъ рода.»

— И Богъ сдѣлалъ по-своему, прибавилъ Дано. Жена маіора умерла еще прежде него. Все пропало даромъ.

— «Теперь» — сказалъ Омчикусъ, обращаясь къ Дмитрію Максимовичу — «вы видѣли домъ, въ которомъ отецъ вашъ родился; а вонъ церковь, въ которой онъ окрещенъ въ православную вѣру!»

Старикъ поднялъ свою толстую, натуральную, то-есть взлелѣянную самой природой въ окружномъ лѣсу и выломленную тамъ когда-то мимоходомъ, палку. По направленію ея, черезъ лугъ, покрытый густою зеленою травою, у подошвы толпящихся одна-надъ-другою высотъ, бѣлѣлась скромная «церквица», окруженная домиками и садами.

— «Не хотите-ли побывать тамъ?» спросилъ Омчикусъ. «Это не далеко!»

Дмитрій Максимовичъ съ удовольствіемъ согласился; и мы отправились къ церкви, сопровождаемые, кромѣ Омчикуса, Даномъ, Павомъ и нѣсколькими женщинами изъ семейства. Едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ, какъ насъ догнала старушка, которая, со слезами и восклицаніями, бросилась къ Дмитрію Максимовичу. То была вдова Ильи Княжевича, мать Пава, родная невѣстка Максиму Дмитріевичу. И она, послѣ взліяній радости и умиленія, пошла вмѣстѣ съ нами.

Омчикусъ сказалъ, что до церкви не далеко. Но у него своя мѣра. Впрочемъ, и намъ съ перваго взгляда показалось такъ-же. Гладкая равнина луга скрала и укоротила пространство. На-дѣлѣ оказалось, что отъ усадьбы Княжевичей до церкви, по-крайней-мѣрѣ, версты три нашею мѣрою, если еще не больше. Мы шли сначала узенькой, по бойной тропинкой. Вдругъ Омчикусъ, предводитель, скомандовалъ поворотъ, и повелъ насъ, цѣпкомъ черезъ лугъ, прямо на церковь. Безъ-сомнѣнія, онъ имѣлъ благое намѣреніе облегчить насъ, сокративъ дорогу; но надъ нами сбылась пословица: «прямо дальше, обходомъ короче!» Мы должны были безпрестанно путаться въ густой травѣ, ищдѣ вязнуть въ сырой почвѣ луга, часто

перепрыгивать черезъ канавки, канавы и цѣлые ручейки. Коротко сказать: потрудились довольно!..

Такъ-какъ я уже мало-мальски мороковалъ по-сербски, то наши спутники, и въ особенности спутницы, осыпали меня распросами о житьѣ-бытьѣ фамилiи Княжевичей въ Россiи, объ ихъ семействахъ, дѣтяхъ, и т. п. Я охотно удовлетворялъ ихъ любопытству; и, стараясь прiискивать слова и выраженiя, признаюсь, не рѣдко спотыкался объ кочку, или попадалъ въ рытвину и въ лужу, смотря по обстоятельствамъ.

Наконецъ мы достигли цѣли нашего пѣшествiя. Церковь была заперта. Протопопа не оказалось дома. Но ключи тотчасъ явились. Мы вошли въ домъ Божiй; приложились, по обычаю, къ храмовой иконѣ, всегда стоящей посреди церкви на налоѣ. Какъ наружность, такъ и внутренность храма, самыя простыя, безъ всякаго украшенiя и богатства. По существующему во всѣхъ здѣшнихъ сторонахъ обыкновенiю, вся церковь внутри обставлена вокругъ стѣнъ мѣстами для почетнѣйшихъ лицъ изъ прихода. На самыхъ первыхъ изъ нихъ, то-есть самыхъ ближайшихъ къ иконостасу, были надписи. Я прочелъ ихъ: справа — «мѣсто маiора Матiя Княжевича»; слѣва — «мѣсто оберъ-лейтенанта Симеона Княжевича»!

Еще мы были въ церкви, какъ прибѣжала къ намъ, также вся въ слезахъ, вдова обер-лейтенанта Сима (Симеона) Кнежевича, роднаго брата Дану: та самая, которая владѣетъ силуэтомъ Александра Максимовича. Родная сестра здѣшнему протопопу, отцу Спиридону Ичинѣ—духовному главѣ цѣлаго протопресвитерата Корбавскаго, который заключаетъ въ себѣ обширное пространство отъ самой Зермани до Коренницы, и сосѣдателю (члену) консисторіума православной епархіи Карльштадтской — она живетъ у него въ домѣ, находящемся возлѣ самой церкви. Неотступно просила она насъ зайти къ ней хоть на минутку, горько сожалѣя, что брата, на такой неожидано-счастливый случай, нѣтъ дома. Мы удовлетворили ея желанію. Приведя насъ въ чистый, красиво убранный домикъ, она начала хлопотать объ угощеніи дорогаго «дѣверя» — такъ называла она Дмитрія Максимовича — чѣмъ Богъ послалъ, и, при всѣхъ отказахъ съ нашей стороны, принудила насъ по-крайней-мѣрѣ отвѣдать домашняго вина. Дано между-тѣмъ воспользовался случаемъ, чтобы напомнить о силуэтѣ, который вѣроятно надѣялся исхитить теперь изъ рукъ вдовы, подъ покровительствомъ Дмитрія Максимовича. Добрая обер-лейтенантша смѣшалась, и потомъ объявила, что силуэтъ въ комнатѣ, отъ которой ключъ увезенъ братомъ.

Кажется, это была хитрость съ ея стороны, чтобъ отдѣлаться отъ Дана.

Въ обратный на Удбинію путь мы пустились уже по бойной, ѣздовой дорогѣ. Но все надобно было сдѣлать, послѣ уже претерпѣнныхъ трудовъ, еще версты четыре или пять. Это уходило насъ до того, что мы воротились на Удбинію, едва передвигая ноги. Омчикусъ напротивъ сталъ гораздо бодрѣе и свѣжѣе, послѣ сдѣланнаго моціона.

Насъ ожидалъ уже обѣдъ, приготовленный на славу. Старикъ велѣлъ подать славнаго далматинскаго вина, и, подливая безпрестанно намъ, не позабывалъ и себя. Вино размолодило его. Онъ сдѣлался еще разговорчивѣе, и обыкновенная его суровость очень смягчилась. Не раздѣляя съ нами обѣда, онъ разливался въ разсказахъ о старинѣ, и поминутно вскакивалъ, чтобы показать намъ разные трофеи своихъ прежнихъ подвиговъ. Между-прочимъ онъ вытащилъ изъ одного сундука кипу турецкихъ грамотъ и другихъ бумагъ, которыя достались ему въ добычу, во время оно, при взятіи одной кулы въ Босніѣ. Къ-сожалѣнію, для насъ это были папирусы покрытые гіероглифами: ситцевая набойка, не болѣе! — Старуха между-тѣмъ хозяйничала, постоянно на ногахъ, бѣгая поминутно то въ кухню, то назадъ изъ кухни.

Чрезвычайно занимательна была эта ветхая, патріархальная чета, которой въ совокупности вѣрно около полутораста лѣтъ: настоящіе Филемонъ и Бавкида въ лицахъ! Глядя на нихъ, я представлялъ себѣ «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ» Гоголя: особенно, когда старикъ развеселясь, началъ намекать на свои старинные подвиги и не по-части Марса, лукаво притомъ посматривая на жену, а старуха въ свою очередь ревниво грозила ему пальцемъ, приговаривая: «смотри ты, старый!» Я смѣялся истинно отъ-души этой оригинальной сценѣ, которая впрочемъ разнится отъ картины Гоголя тѣмъ, что здѣсь была простота безъ глупости.

Между-тѣмъ все семейство Княжевичей собралось сюда-же на прощанье. Съ карандашемъ и записною книжкою, я усѣлся посреди ихъ, съ-тѣмъ-чтобъ собрать и замѣтить всѣ подробности о настоящемъ состояніи фамиліи. Дано диктовать мнѣ болѣе всѣхъ. Онъ былъ всѣхъ старше и зналъ всѣхъ больше.

Наступила пора отъѣзда. Дмитрій Максимовичъ подарилъ Омчикусу на-память нашу медаль на открытіе Александровской Колонны. Омчикусъ былъ въ восторгѣ отъ подарка и, показывая медаль командиру Удбинской роты, который явился засвидѣтельствовать свое почтеніе пріѣзжимъ гостямъ, сказалъ: «Это серебро, которое для меня дороже горы золота!»

Дано и Паво Кнежевичи изъявили желаніе проводить насъ до ночлега, который, по маршруту Омчикуса, назначенъ былъ въ селеніи Кореницѣ. Капитанъ, главный командиръ роты, не только разрѣшилъ, но и похвалилъ ихъ усердіе. Они тотчасъ осѣдлали себѣ коней.

Вотъ пришла и послѣдняя минута разставанья. Она была умилительна. Посреди слезъ и благословеній, окруженные толпою сторонихъ, любопытныхъ зрителей, мы усѣлись въ свою коляску. Я увѣренъ, что посѣщеніе наше останется незабвенною эпохою не только въ Мутиличѣ и на Удбинѣ, но и во всѣхъ окрестностяхъ.

Изъ перваго селенія, попавшагося намъ на дорогѣ, которое называется Іошане, вышла на встрѣчу къ намъ женщина, предупрежденная, должно-быть, изъ Удбини. То была вдова Максима Кнежевича, сына Сима, также роднаго брата Максиму Дмитріевичу, отъ котораго не остается болѣе никакого мужскаго потомства.

Подъ сильнымъ дождемъ, заставившимъ поднять верхъ коляски, переѣхали мы перешеекъ, называемый Горица-Каменита. Здѣсь кончился округъ Личскаго полка и начался округъ полка Оточскаго. Такъ-же проѣхали селеніе Бѣло-Поле, гдѣ находится главная команда Белопольской роты. Дано и Паво скакали возлѣ коляски, завернувшись въ плащи.

Уже въ сумерки пріѣхали мы въ Коренницу, постъ главной команды роты Коренической . . . .

$^{7}/_{19}$ іюня.

Утромъ простились мы съ Даномъ и Павомъ, которые снова напомнили намъ наказъ Омчикуса, чтобы въ Раковицѣ, куда должны были поспѣть къ полднямъ, мы прямо ѣхали въ домъ капитана Васа Кнежевича.

Погода очень хмурилась. И вотъ почему мы раздумали посѣтить знаменитыя Плитвицкія-Озера, не смотря на вчерашнія увѣщанія протопопа, плебана и обер-лейтенанта, которые, надо прибавить, не явились, по обѣщанію, проводить насъ; оттого-что, пожелавъ намъ доброй ночи, остались въ биртіи, въ другой половинѣ, и, конечно съ радостей на такихъ дорогихъ посѣтителяхъ, пробесѣдовали тамъ всю ночь до бѣла-дня.

Дорога наша шла черезъ пригорокъ Малую-Капеллу, селенія Прибой, Петрово-Село и Ваганацъ. Мы лѣпились возлѣ самой границы Турецкой, которая здѣсь проходитъ по срединѣ равнины, безъ всякой натуральной отмѣты. Сторожевыя австрійскія будки: — по-здѣшнему « чардаки » — мелькали мимо насъ. При уро-

чищѣ Гавранича-Умка, мы переѣхали Корану, одну изъ наибольшихъ рѣкъ Военной-Кроаціи, которая, образуясь изъ Плитвицкихъ-Озеръ, служитъ здѣсь немножко границею между Австріею и Турціею, потомъ уклоняется въ округъ полка Слуньскаго и при Карльштадтѣ впадаетъ въ рѣку Кульпу. За-тѣмъ въѣхали въ округъ Огулинскаго полка и Раковицкой роты.

Скоро достигли мы и самаго селенія Раковицы, въ которомъ находится главная команда роты Раковицкой. На вопросъ: у себя-ли капитанъ Кнежевичъ? намъ отвѣчали, что нѣтъ. Мы приказали вести себя въ биртію, находившуюся почти насупротивъ капитанскаго дома.

Хотя внутренность биртіи — я не говорю уже о наружности — была очень проста и смиренна, даже безъ пола; однако бирташъ взялся изготовить намъ кое-что къ обѣду, что и исполнилъ, къ удивленію нашему, довольно сносно и, главное, скоро. Мы усѣлись чинно за трапезу, какъ дверь биртіи отворилась, и къ намъ вошла дама среднихъ лѣтъ, одѣтая просто по comme il faut—для границы. Это была госпожа «капитанша», жена капитана Васа, командира роты. Наши распросы о капитанѣ возбудили любопытство бирташа, который, развѣдавъ отъ Вука, кто мы, далъ знать капитанщѣ, что пріѣхалъ «Нѣгова Екселенціа г.

Княжевичъ изъ Русіи», родственникъ капитана. Госпожа обратилась къ Дмитрію Максимовичу съ привѣтными упреками, что онъ не въѣхалъ прямо въ ихъ домъ, и требовала непремѣнно, чтобъ мы оставили сей-же-часъ нашу квартиру и трапезу, съ-тѣмъ-чтобъ расположиться у ней и у ней обѣдать. Мужъ ея находился, по службѣ, у переговорной заставы (Rastell), называемой Просѣчный-Камень, часахъ въ двухъ разстоянія отъ Раковицы. Ему слѣдовало воротиться домой еще черезъ три дня. Но капитанша сказала, что она сей-часъ пошлетъ къ нему нарочнаго и что онъ, узнавъ о прибытіи такого гостя, сего-же дня къ вечеру будетъ дома. Дмитрій Максимовичъ отказался и отъ переѣзда, и отъ обѣда, и отъ посылки за капитаномъ, по невозможности оставаться здѣсь долго, по необходимости сего-же-дня къ вечеру быть въ Плашкахъ, резиденціи православнаго епископа Карльштадтскаго, гдѣ предполагали мы провести нѣсколько дней. Споръ кончился тѣмъ, что капитанша взяла съ насъ слово пить по-крайней-мѣрѣ кофе послѣ обѣда у ней въ домѣ и дозволить ей послать въ свой погребъ за виномъ къ нашему столу. Сама осталась она съ нами.

Окончивъ трапезованіе, мы, всѣ трое, отправились въ капитанскій домъ. Здѣсь нашли мы очень хорошенькія комнатки, убранныя

весьма опрятно, безъ особеннаго щегольства, но съ признаками довольства и благосостоянія. Мѣстоположеніе домика, расположеннаго на небольшой возвышенности, мнѣ особенно приглянулось. Виды изъ оконъ чудесные. Хозяйка была къ намъ очень ласкова. Кофе изготовленъ славный. Къ обществу нашему присоединился еще обер-лейтенантъ, длинный, высокій старикъ, очень веселый и словоохотный. Онъ говорилъ изрядно по-нѣмецки. Капитанша знаетъ только, кромѣ своего роднаго языка, по-итальянски: она оказалась католичкою, родомъ изъ приморскаго городка Карлопаго, на границѣ Далмаціи.

Капитанъ Васо Кнежевичъ, того-же самаго рода, какъ и Максимъ Дмитрієвичъ: только не той линіи, а другой, отъ которой происходилъ маіоръ Мато Кнежевичъ. Маіору Мату онъ доводится троюроднымъ братомъ. Въ молодости онъ сражался подъ знаменами Наполеона, въ то время какъ Военная-Кроація приписана была къ Италіянскому королевству, соединенному съ Французской имперіей; и послѣ несчастнаго похода въ Россію, когда владычество Наполеоново стало постепенно рушиться, взятъ былъ въ плѣнъ союзными войсками при взятіи Магдебургской-Крѣпости, гдѣ находился въ гарнизонѣ. Тогда онъ былъ уже лейтенантомъ. Съ-тѣхъ-поръ прошло двадцать лѣтъ;

а Васо Княжевичъ все еще только — капитанъ! Теперь онъ старшій изъ капитановъ своего полка, и надѣется, при первой вакансіи, быть маіоромъ. Такъ туго идутъ производства въ Австріи по военной службѣ!

Очень пріятно провели мы здѣсь время. Но надобно было ѣхать. Капитанша снова принялась насъ упрашивать остаться подолѣе и дождаться капитана. Мы были неумолимы.

Послѣ-того мы уже не встрѣчались болѣе ни съ кѣмъ изъ фамиліи Княжевичей. . . .

Начнемъ ab ovo!

Пушкинъ.

Сними съ себя запѣсу,
Сѣдая старина!

Дмитріевъ.

Родъ «Княжевичей» есть коренной Сербскій. По-крайней-мѣрѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ имя ихъ становится извѣстно, «Княжевичи» являются природными старожилами тѣхъ странъ Южно-Славянскаго міра, гдѣ издревле обитаютъ Сербы, гдѣ господствуютъ физіономія, языкъ и нравы Сербскіе [1]. Здѣсь они зовутъ и пишутъ себя по-сербски — «Кнежевићи»: на нашъ выговоръ почти тоже что — «Княжевичи» [2]. Тѣ, которые употребляютъ не славянскую, а латинскую

[1] Племя Южныхъ Славянъ, говорящее языкомъ Сербскимъ, занимаетъ нынѣ обширное пространство на Иллирійскомъ или Балканскомъ Полуостровѣ, отъ Адріатики до Карпатъ, и весьма многочисленно. Къ нему принадлежатъ: во владѣніяхъ Австріи — Далматинцы, Граничные-Кроаты, отчасти Истріане, Славонцы, Сремцы, Бачване и Баначане (жители Темешварскаго Банната); подъ игомъ Турецкимъ — Босняки, Герцеговцы и жители сѣверо-западныхъ санджаковъ Румеліи и Албаніи; также — полу-независимые обитатели Черной-Горы и нынѣшняго Княжества-Сербскаго (собственно Сербы).

[2] Буква ћ, нововведенная Сербами, означаетъ особое мягкое произношеніе звука *т*, весьма близкое къ нашему тонкому ч,

азбуку, по разпымъ, впрочемъ равно уродливымъ, системамъ правописанія, пишутся: въ Далмаціи и Славоніи—«Knexevicsi», въ Кроаціи—«Knesevichi»; выговаривается то и другое также—«Кнежевичи»[3]. Послѣдняя, кроатская, форма, отъ которой нынѣ отстаютъ уже и самые Кроаты[4], съ давнихъ временъ буквально перешла въ австрійскіе матрикулы и гербовники: вслѣдствіе чего имя Кнежевичей узаконилось писать по-нѣмецки — «Knesevich». Въ Польшѣ, по свойству языка, изъ «Кнежевичей» вышли — «Kniazewiczy»; у насъ, по томуже самому—«Княжевичи»[5].

Въ настоящее время, безчисленное множество Кнежевичей разсыпано по всему простран-

---

[3] У католическихъ Сербовъ, употребляющихъ латинское письмо: въ Далмаціи и Славоніи *x* = *ж*, *cs* = *h* или *ч*; въ Кроаціи — *ch* = *h* или *ч*, а *s* = *ж*. Впрочемъ та и другая орѳографія часто смѣшиваются, такъ-что имя «Кнежевичей» пишется и —«Knexevichi» и — «Knexovichi», какъ кому вздумается.

[4] Докторъ Л. Гай, проповѣдуя всѣмъ Южнымъ-Славянамъ принятіе одного общаго языка Сербскаго, съ тѣмъ вмѣстѣ вводитъ для него новое латинское правописаніе по системѣ Чешской или Богемской, которая въ-самомъ-дѣлѣ правильнѣе и отчетливѣе всѣхъ донынѣ существующихъ славяно-латинскихъ орѳографій: по этой новой системѣ имя «Кнежевичей» пишется — «Knežević».

[5] Вообще, гдѣ въ старо-славянскомъ или книжно-церковномъ нашемъ языкѣ стоитъ буква ѧ, тамъ мы Русскіе пишемъ и произносимъ — *я*, а Сербы — *е*: оттого у насъ — «время», а у Сербовъ — «време»; у насъ — «святый», у нихъ — «свети»; у насъ — «князь», у нихъ — «кнезъ». Поляки въ подобныхъ случаяхъ вставляютъ носовой звукъ и знакъ, или, подобно намъ, удерживаютъ — *ia*, то-есть — *я*.

ству, населяемому Сербами. Есть Кнежевичи въ нынѣшнемъ Княжествѣ-Сербскомъ [6]. Есть довольно ихъ въ Босиѣ и въ Герцеговинѣ, гдѣ недавно еще одинъ Кнежевичъ прославилъ себя блистательными «юнацкими» подвигами противъ Турковъ, увѣковѣченными въ народныхъ туземныхъ пѣсняхъ [7]. На Черной-Горѣ донынѣ здравствуетъ Іованъ Кнежевичъ, воевода племени Бѣлопавличей [8]. Въ Далмаціи Кнежевичей очень много: особенно извѣстенъ изъ нихъ Стефанъ Кнежевичъ, администраторъ православнаго общежительнаго монастыря Крки,

[6] Въ «*Народномъ Сербскомъ Огласителѣ*», то-есть «*Адресс-Календарѣ Княжества Сербскаго*», изданномъ въ Бѣлградѣ на 1841 годъ, помѣщенъ въ числѣ Столоначальниковъ Княжеской Канцеляріи и Попечительства Иностранныхъ Дѣлъ — *Тимотей Кнежевичъ*. Сверхъ-того, въ званіяхъ Предсѣдателей Примирительныхъ Судовъ показаны: округія Ягодинскаго среза Левачскаго въ общинѣ Горной-Сабантѣ — *Петаръ Кнежевичъ*; округія Валевскаго среза Тамнавскаго въ общинѣ Лукавицѣ — *Іованъ Кнежевичъ*; округія Полринскаго среза Ядранскаго въ общинѣ Брадичахъ — *Тешанъ Кнежевичъ*.

[7] Это извѣстно мнѣ отъ Вука Стефановича-Караджича, который имѣетъ у себя списокъ одной изъ такихъ пѣсенъ о Босанскомъ Кнежевичѣ, но къ-сожалѣнію не могъ для меня отъискать въ своихъ бумагахъ. Этотъ Кнежевичъ прославился въ эпоху послѣдняго возстанія Сербовъ при Черномъ и Милошѣ.

[8] Помѣщенъ, съ титуломъ «высокоблагороднаго господина», въ спискѣ пренумерантовъ на Вуковы «*Народне Српске Пословице*», изданныя въ Цетиньѣ (на Черной-Горѣ) 1836. Должно-быть, это тотъ-же самый «сенаторъ, сердаръ, капитанъ отъ гвардіи и попъ Бѣлопавличскій, князъ *Иванъ Родоничъ*, онъ-же *Кнежевичъ*», съ которымъ былъ такъ пріятельски знакомъ и о подвигахъ котораго разсказываетъ такъ много любопытнаго г. Ковалевскій въ своихъ «*Четыре Мѣсяца въ Черногоріи*» (С.-П.-Б. 1841).

знаменитый ученостію и краснорѣчіемъ [9]. Но главное гнѣздо Княжевичей находится въ такъ-называемой Военной-Кроаціи (Militair-Kroatien) или Карльштадтской Военной-Границѣ (Karlstädter Militair-Grenze): Личскаго полка (Liccaner-Regiment), Удбиньской роты (Udbinianer-Compagnie), въ селеніи Мутиличѣ (Muttilich). Здѣсь австрійскими законами признано имъ помѣстное право надъ землею, которая потому составляетъ

---

[9] Православный монастырь Крка, посвященный С. Михаилу Архангелу, находится въ Далмаціи, въ Задарскомъ округѣ, на рѣкѣ Кркѣ, славной своими живописными водопадами. Онъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ святилищамъ христіанства на восточномъ берегу Адріатики. Въ народѣ сохраняется преданіе, что С. Апостолъ Павелъ, во время пребыванія своего въ Иллирикѣ, здѣсь имѣлъ пристанище, на мѣстѣ, которое съ усердіемъ и вѣрою посѣщаютъ донынѣ благочестивые. Отецъ *Стефанъ Княжевичъ*, совершивъ полный курсъ ученія сначала въ Карловцѣ, потомъ въ Пештѣ и Вѣнѣ, принялъ монашескій чинъ въ Кркской обители, откуда взятъ въ придворные іеродіаконы православнаго епископа Далматинскаго, и въ 1835 году произведенъ въ протодіакона, потомъ въ слѣдующемъ 1836 году въ іеромонаха и администратора (то-есть настоятеля) того-же монастыря, котораго былъ постриженикъ. Здѣсь онъ находится до-сихъ-поръ, и умѣлъ пріобрѣсть себѣ такое уваженіе, что, при нынѣшней вакансіи епископской каѳедры въ Далмаціи, всѣ православные, отъ Котора до Задра, его одного единогласно желаютъ имѣть своимъ архипастыремъ. Отецъ *Стефанъ* мастерски владѣетъ отечественнымъ языкомъ, и говоритъ прекрасныя проповѣди: одна изъ нихъ, произнесенная въ Недѣлю Цвѣтопосія (Вербное Воскресенье), напечатана въ «*Любитель Просвѣщенія*», сербо-далматинскомъ альманахѣ на 1837 годъ, издаваемомъ постоянно, съ 1836 года, докторомъ Теодоромъ Петрановичемъ. Въ Кркскомъ монастырѣ находился еще іеромонахъ *Викентій Княжевичъ*, игуменъ обители, который скончался въ 1838 году.

родовую неотчуждаемую собственность, «отачство кучи» (отчину дома) Княжевичей. Отсюда произошли всѣ австрійскіе «Herren von» и просто «Herren Knesevich», которые теперь, въ разныхъ службахъ и званіяхъ, разсѣяны по всѣмъ странамъ Австріи, преимущественно по Военной-Границѣ и вообще въ Венгріи.

Всѣ-ли эти Княжевичи принадлежатъ къ одному роду? — Весьма вѣроятно. По-крайней-мѣрѣ народная молва единогласно признаетъ Княжевичей Далмаціи однокровными съ Княжевичами Кроаціи, и какъ тѣхъ, такъ и другихъ, производитъ отъ одного общаго корня, изъ Босны, или изъ Герцеговины. Молва эта высказалась въ народной пѣснѣ, сложенной въ честь далматинской «господской кучи» Крушевичей-Княжевичей, жившихъ, во время владычества Венеціянской Республики, въ городкѣ Книнѣ, на границѣ Далмаціи съ Босною и Военною-Кроаціею. Вотъ самая пѣсня, какъ она издана Качичемъ, извѣстнымъ собирателемъ южно-славянскихъ народныхъ преданій [10]; под-

[10] Андрей Качичъ-Міошичъ, монахъ францискаискаго ордена, составилъ чрезвычайно любопытное собраніе собственно «Серво-Далматинскихъ Народныхъ Преданій», которое, подъ затѣйливымъ заглавіемъ «*Razgovor Ugodni Naroda Slovinskoga*», первоначально вышло въ свѣтъ въ Венеціи 1759, потомъ вновь издано тамъже 1811, затѣмъ въ третій разъ въ Тріестѣ 1831, наконецъ въ Вѣнѣ 1836. Послѣднее изданіе, въ двухъ книгахъ in 8°, сдѣлано довольно опрятно, даже почти щегольски. Пѣсня въ честь Крушевичей-Княжевичей помѣщена этого изданія въ кн. II. стр. 26 — 27.

липпикъ, весьма понятный и для насъ Русскихъ, здѣсь только, для большаго облегченія, переложенъ съ латинскихъ буквъ, которыми напечатанъ у Качича, на сербо-славянскія:

Велико је племе Крушевића,
Од старине јер је Кнежевића,
Угарскога племића и кнеза,
И на гласу по набор витеза!

Од њега се родише господа,
Владаоци славнога народа,
Бановинам' који управљаше,
Кад у Босни краљи пребиваше;

Од њега се родише јунаци,
Витезови, по избор копљици,
Капетани, и млади сердари,
Колунели, алај барјактари,

Пред војницим који војеваше,
И градове бѣле узимаше:
Витешко је племе Крушевића,
Од старине јер је Кнежевића!

Да су били витезови стари,
То свѣдоче краљи и цесари,
И диплома краља Угарскога,
Матіаша, рода јуначкога,

Коју даде Крушевић' Ивану,
Од старине Кнежевићу звану:
За судца га чини великога,
И племића каже најпрвога;

Што одсуди, добро одсуђено,
То од краља бѣше потврђено;
Још допусти кнезу Крушевићу,
Да је први у његову вѣћу.

То потврди дужде Млетчанине,
Петар Гриман, витез од старине:
Тер познаде Анту Крушевића
За витеза, кнеза и племића.

И његовим послѣдним у вѣке,
Нек се славе од Скадра до Лике,
Од јунаках, и од витезовах,
Од господе, банах и кнезовах:

Каконо ји краљи прославише,
Када они у Босни владаше,
И остале круне, и цесари,
Владаоци, свѣта господари;

Од којих се и сада находе
Колунели, и млади војводе,
Витезови, на гласу јунаци:
То свѣдоче и Турци Бошњаци.

Једни славе цесара Бечкога,
Іосипа, краља Унгарскога:
Тер бој бију с' краљем од Прусіе,
Усрѣд равне земље Германіе.

Кнежевићи иђу пред Личанин':
Тер бој бију с' младим' Прусіанин',
Бојак бијућ' раньени су били,
Прусіане аль' су предобили.

Други славе дужда Млетачкога,
Латинина, краља великога,
Војујући и бојак бијући
И за њега крвцу проліјући.

Кнежевићем писма на поштенье;
Миловану небесно спасенье;
Свим јунаком здравье и веселье,
И на сабльи срѣчно војеванье!—

Конечно, это пѣсня, и притомъ пѣсня недавняго происхожденія, сложенная, какъ видно, при императорѣ Іосифѣ II, во время войны Австрійцевъ съ Прусаками. Но извѣстно, что у Сербовъ до-сихъ-поръ пѣсня есть гласъ народа, замѣняющій скрижали исторіи и архивы герольдіи, и что въ ней, какъ-бы она ни была нова, свято сохраняются отголоски стараго, необманчиваго преданія. «Сказка складка, а пѣсня быль»: говоритъ и у насъ пословица, умная рѣчь народнаго разума, которая «вѣкъ не сломится». Какъ-бы то ни было, изъ этого живаго документа, хранящагося въ памяти народа, видно, что преданіе соотечественниковъ относитъ къ одному «великому и старому племени» всѣхъ Кнежевичей «отъ Скадра до Липи», то-есть отъ нынѣшней Военной-Кроаціи до Албаніи, которой Скадаръ или Скутари есть главный городъ. Имя ихъ славно уже было еще при краляхъ Босанскихъ; слѣдовательно, до XV вѣка, въ которомъ окончательно погибло самобытное существованіе Босны. Качичъ все это признаетъ за несомнѣнную историческую истину. Предлагая пѣсню [11], онъ, въ краткомъ

---

[11] Андрія Качіча *Razgovor Ugodni Naroda Slovinskoga*, kn. II. str. 25. О достоинствѣ труда Качичева, снабженнаго множествомъ историческихъ, въ особенности генеалогическихъ прибавленій, достаточно свидѣтельство знаменитаго Шафарика въ статьѣ, которой переводъ находится въ «*Телескопѣ*» 1836, ч. XXXII, с. 244.

предисловіи къ ней, положительно утверждаетъ, что « куча Кнежевичей » была въ старыя времена « велика и могуча », отъ разныхъ кралей знатно « возвеличена » и надарена многими « благодарствами ». Не опредѣляетъ онъ, отъ какихъ именно кралей; но вѣрно разумѣетъ тѣхъ самыхъ, о которыхъ говоритъ пѣсня, то-есть кралей Босанскихъ: это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ другомъ мѣстѣ, перечисляя « властелей и кнезей народа Словенскаго», то-есть Сербскаго, онъ производитъ родъ Кнежевичей изъ Герцеговины, составлявшей часть краленства Босанскаго [12]. Затѣмъ подводитъ онъ годы и числа къ дипломамъ, о которыхъ упоминается въ пѣснѣ. По его увѣренію, знаменитый Матѳей Корвинъ, король Венгерскій, точно далъ кнезю Ивану Крушевичу-Кнежевичу, въ Будимѣ отъ 2 коловоза 1460 [13], « племенитую диплому», то-есть дворянскую грамату: въ этой граматѣ кнезъ Иванъ признанъ «между венгерскими господами первымъ племичемъ»; ему дозволено имѣть «особитое судство», то-есть предоставлено право верховнаго безапелля-

---

[12] Andrie Kačića *Razgovor Ugodni Naroda Slovinskoga*, kn. II. str. 3. Замѣчательно, что природные Кнежевичи нынѣшняго Княжества-Сербскаго (см. прим. 6) живутъ именно въ округахъ смежныхъ съ Босною и Герцеговиною.

[13] Въ текстѣ Качича напечатанъ здѣсь 1400 годъ, что очевидно должна быть опечатка: король Матѳей Корвинъ царствовалъ въ Венгріи съ 1458 до 1490 года.

ціонпаго суда въ своей княжпиѣ, такъ-что онъ могъ судить « людей отъ всякой версты », и судить такъ, что обсужепное имъ все равно, какъ было-бы обсужено самимъ королемъ; наконецъ, и самъ « речепный » князь Иванъ, и вся его куча, освобождены навсегда отъ всякаго « потрѫшка, харача и даванья », слѣдующаго въ казну королевскую. Грамату Матѳееву подтвердилъ дожъ Венеціянскій Піетро Гримани отъ 25 декабря 1751: причемъ, прибавляетъ Качичъ, « пресвѣтлый господинъ » Антунъ Крушевичъ-Княжевичъ, «тенентъ-колонель» Республики, получилъ титулъ—«од Княжства»; что Нѣмцы перевели по-своему —« von Kneseurich)». Онъ заключаетъ наконецъ, что точно того-жь самаго « господскаго племени » на многихъ мѣстахъ находятся теперь разныя отрасли, отъ которыхъ произошли « гласовитые витези и славные оффиціалы»: въ томъ числѣ «Княжевичи у Лицы», то-есть Княжевичи-Личане въ Военной-Кроаціи, которые « въ своемъ краю » суть «владавцы, и колунели, и оберстары, и витези, и сильные юнаки, вездѣ на службѣ цесарской». Птакъ, по преданію, всѣ южно-славянскіе Княжевичи составляютъ «одно племя», «одинъ родъ», котораго Княжевичи-Крушевичи въ Далмаціи и Княжевичи-Личане въ Военной-Кроаціи суть главнѣйшіе, знаменитѣйшія вѣтви.

Впрочемъ оставимъ въ покоѣ всѣхъ другихъ Княжевичей, кромѣ Княжевичей-Личанъ, отъ которыхъ — исторически извѣстно — произошли и австрійскіе «Herren Knesevich», и польскіе «pany Kniażewiczy»[14], и наконецъ — русскіе «господа Княжевичи». Намъ до нихъ собственно дѣло: а на-счетъ ихъ можно совѣтоваться не съ одними устными преданіями, но и съ документальною исторіею, которая, какъ увидимъ, была съ ними не незнакома.

Но здѣсь напередъ должно, думаю, объяснить: что такое Личане, или лучше — что такое Лика, отъ которой очевидно происходитъ имя Личанъ?—

Ликой (Licca) называется самый южный предѣлъ нынѣшней Военной-Кроаціи, которымъ она граничитъ съ Далматинскимъ-Приморьемъ Адріатики. Военная-Кроація — она-же и Карльштадтская Военная-Граница — составляетъ западную вершину дуги, которою теперешнія владѣнія Австрійскія огибаются кругомъ Турецкихъ. Отъ такъ-называемой Про-

---

[14] Польская фамилія Kniażewiczow, герба Murdelio, вышла изъ Кроаціи. См. *Wiadomosć o Kleynocie Szlacheckim, oraz Herbach Domow Szlacheckich w Koronie Polskiey i Wielkim Xięstwie Litewskim etc. etc. etc, przez* Ew. Andrz. Hrabię Kuropatnickiego *etc., w Warszawie* 1789, cz. II, k. 47. Эта фамилія прославлена особенно въ новѣйшія времена извѣстнымъ Карломъ Княжевичемъ (род. 1762 въ Курляндіи), отличившимся блистательными подвигами храбрости подъ знаменами Французской Республики и Наполеона.

вниціяльной-Кроаціи, ограничивающей ее съ сѣвера, она тянется на югъ все больше и больше съуживающеюся полосою, тѣснимая съ одной стороны моремъ, съ другой Турецкою Босною. Вся эта полоса имѣетъ горный, альпійскій характеръ. Здѣсь оканчиваются такъ-называемыя Альпы Юлійскія, послѣднія восточныя отрасли исполинскихъ Альпъ Тироля и Швейцаріи, и начинаются Альпы Динарскія, первыя съ запада ступени колоссальнаго Гемуса или Балкана. Столкновеніе двухъ могучихъ хребтовъ, на которыхъ держится весь оставъ Южной Европы, обозначилось множествомъ горныхъ цѣпей и отдѣльныхъ холмовъ разнаго размѣра, сбѣгающихся и разбѣгающихся въ различныхъ направленіяхъ. Такимъ-образомъ Военная-Кроація представляетъ лабиринтъ долинъ и горъ, который постепенно возвышается къ югу, или лучше къ юго-востоку. На «Тройной Межѣ» (Triplex Confinium), гдѣ нѣкогда соприкасались владѣнія Австріи, Турціи и Венеціи, теперь-же сходятся Военная-Кроація, Босна и Далмація, воздымаются высочайшіе гиганты страны, извѣстные подъ именами Велебича и Плѣшивицы, на вершинахъ которыхъ долго держатся, иногда вовсе не таютъ снѣга. Велебичъ идетъ громадною грядою вскрай моря, отъ запада къ востоку, и дѣлитъ Кроацію отъ Далмаціи. Плѣшивица напротивъ простирается преимущественно съ сѣ-

пера на югъ, параллельно рѣкѣ Унѣ, вмѣстѣ съ которою составляетъ границу Австріи и Турціи. У подножія Велебича въ Кроаціи, протекаетъ, въ направленіи отъ востока къ западу, небольшая рѣчка Лика, которая, затрудняясь добраться до моря черезъ прибрежный амфитеатръ, образуемый Велебичемъ, «понырястъ», какъ говорятъ туземцы, то-есть уходитъ въ землю, по примѣру всѣхъ здѣшнихъ рѣчекъ и потоковъ. Отъ этой-то рѣчки и южный край Военной-Кроаціи прозвался издавна Ликою. Когда австрійское правительство образовало нынѣшнюю Карльштадтскую Военную-Границу, оно раздѣлило ее на четыре полка: Слуньскій, Огулинскій, Оточскій и Личскій. Этотъ послѣдній, кромѣ предѣла Лики, отъ котораго заимствовалъ свое имя, наполняетъ теперь всю юго-восточную оконечность Военной-Кроаціи, весь уголъ между Велебичемъ и Плѣшивицею. Въ простонародномъ употребленіи, занимаемое имъ пространство, все называется также и Ликою: тѣмъ-болѣе, что главный штабъ полка, слѣдовательно центральное управленіе, такъ-сказать столица всего наполняемаго имъ округа, находится въ Госпичѣ, среди предѣла, которому собственно принадлежитъ имя Лики, на самой рѣчкѣ Ликѣ, при сліяніи съ нею другой меньшей рѣчки Повчицы.

Предѣлъ Удбиньскій, гдѣ находится теперь родовое гнѣздо фамиліи Кнежевичей, по настоящему распредѣленію, принадлежитъ къ Ликѣ въ нынѣшнемъ обширномъ смыслѣ: то-есть къ Личскому полку, котораго онъ составляетъ роту « N 5 » [18]. Но въ старыя времена это былъ предѣлъ отдѣльный, имѣвшій свое самостоятельное значеніе подъ исторически славнымъ именемъ Крбавы (Corbavia). Сама природа положила естественную границу между нимъ и собственно Ликою, раздѣливъ ихъ цѣпью высотъ, которая называется Врбачска-Стаза. Древняя Крбава составляетъ нынѣ сѣверо-восточный край Личскаго полка, граничащій съ Турецкою Босною черезъ Плѣшивицу. Преимущественно расположена она въ долинѣ рѣчки Крбавы, которая, начинаясь у нынѣшней Удбини, также какъ Лика, « ныряетъ » потомъ въ землю. Въ старину предѣлъ Крбавскій про-

[18] Полкъ Личскій, по послѣдней организаціи 1800 года, раздѣляется на слѣдующія двѣнадцать ротъ, которыя обозначаются и просто нумерами, и названіями заимствованными отъ мѣстечекъ и урочищъ: N 1 — р. Зерманская; N 2 — р. Сербская; N 3 — р. Добро-Сельская; N 4 — р. С.-Петровская; N 5 — р. Удбиньская; N 6 — р. Мекинярская; N 7 — р. Грачачская; N 8 — р. С.-Міайловская; N 9 — р. Медачская; N 10 — р. Ханижская (въ которой Госпичъ); N 11 — р. Смилянская; N 12 — р. Широко-Кульская. Въ округѣ полка Личскаго считается 50⅔ кв. вѣм. мил.; жителей 62,995 душъ (включительно съ приморскимъ городкомъ Карлопаго): въ томъ числѣ 41,259 православныхъ и только 21,740 католиковъ. Franz Julius Frad, Vollständige Topographie der Karlstädter Militair-Grenze, Agram 1835.

стирался на сѣверъ за границы нынѣшняго Личскаго полка: это очевидно изъ сохранившагося донынѣ имени Крбавицы (Малой-Крбавы), селенія въ Кореничской ротѣ полка Оточскаго.

Въ первый разъ «Крбава» упоминается Константиномъ Порфирогенетомъ, императоромъ Византійскимъ, жившимъ въ началѣ X вѣка. Константинъ, вмѣсто правленія, отъ котораго освобождали его усердные родственники и вельможи, занимался описаніемъ владѣній, которыхъ числился повелителемъ; и такимъ-образомъ оставилъ довольно подробную современную географію восточнаго берега Адріатики, который тогда считался еще принадлежностью Византійской имперіи подъ именемъ «темы Далматинской». Западную половину этой огромной темы, простиравшейся въ длину отъ Черной-Горы до Военной-Кроаціи включительно, населяли въ то время Кроаты, которыхъ Константинъ называетъ «Хроватами». Вѣчанный географъ насчитываетъ у нихъ одиннадцать «жупаній» или волостей, которыхъ всѣхъ имена, въ текстѣ разумѣется обезображенныя греческимъ произношеніемъ и правописаніемъ, сохраняются цѣлы и невредимы до-сихъ-поръ частію въ Далмаціи, частію въ Босиѣ. Сверхъ-того еще, «банъ» или, по Константину, «боанъ» Кроатскій держалъ подъ собою три особыя волости, которыя у ученаго императора

называются: Крибаса, Лица и Гуцика[16]. «Гуцика» должна быть нынѣшнее Гацко-Поле, на рѣчкахъ Гацкѣ и Гаштицѣ, въ Оточскомъ полку Военной-Кроаціи. «Лица» — что другое, какъ Лика, которая въ старину и по-латини писалась Licha, то-есть Лича? «Крибаса» — конечно описка вмѣсто «Крибава»—очевидно не иное что, какъ сосѣдняя и Ликѣ и Гацку — «Крбава»![17]

Кроаты, или Хроваты, у Порфирогенета строго отличаются отъ «Сервловъ», то-есть Сербовъ, которые въ то время занимали восточную половину Далматинской темы. Межь ними обоими границею была тогда рѣка Цеттина, нынѣшняя Цетина, впадающая въ Адріатику почти на срединѣ теперешней Австрійской-Далмаціи, при городкѣ Омишѣ (Almissa). По Константину, Кроаты и Сербы являются двумя разными славянскими племенами, которыя пришли съ сѣвера на Адріатику въ одно время, именно въ началѣ VII вѣка, но изъ разныхъ странъ и путями разными[18]. Въ настоящее

---

[16] Constantini Porphyrogennetæ *De administrando Imperio*, c. XXX.

[17] Такъ объясняютъ географическую номенклатуру Константина всѣ славянисты, начиная отъ I. Люція (*De Regno Dalmatiæ et Croatiæ*, l. I, c. 13) до Шаффарика (*Slowanské Starožitnosti*, osr. II, čl. 5, § 34). Только «Гуцику»—Люцій относитъ внутрь Далмаціи, въ окрестности городка Сини.

[18] Constantini Porphyrogennetæ *De administrando Imperio*, c. XXX—XXXII. Константинъ говоритъ, что Кроаты вышли изъ земли, называемой «Великою или Бѣлою Хорватіею», лежащей меж-

время, на всемъ пространствѣ, занимаемомъ тогдашнею Далматинскою темою Византійской имперіи, во всей нынѣшней Австрійской-Далмаціи и Военной-Кроаціи, живутъ одни и тѣже Славяне-Сербы: точно такіе-же Сербы, какъ и въ Босиѣ, какъ и въ Герцеговинѣ, какъ и на Черной-Горѣ, какъ и въ теперешнемъ Княжествѣ-Сербскомъ. Кроаты, какъ особое Славянское племя, отличное отъ Сербскаго, находятся только въ такъ-называемой Провинціяльной-Кроаціи [19]. Эти Кроаты были также извѣстны Константину подъ именемъ «Бѣлыхъ-Хроватовъ»; и онъ считалъ ихъ рѣшительно одноплеменными съ своими Далматинскими Хрова-

---

ду владѣніями Франковъ (Нѣмцевъ) и Турковъ (Мадяровъ); Сербы, изъ земли, хотя и смежной, но другой, которая, во время Константина, называлась также «Бѣлою или Великою Сербіею». Кроаты проникли въ Далмацію, не переходя Дунай; о Сербахъ напротивъ именно говорится, что ихъ отчизна была по-сю-сторону Дуная относительно темы Оессалоникской (Солунской), гдѣ они первоначально водворились.

[19] «Провинціяльною или Банскою Кроаціею» (Provinzial- oder Banal-Croatien) называется юго-западный уголъ королевства Венгерскаго, состоящій изъ трехъ графствъ (comitatus, Gespannschaft): Загребскаго (Agramer-G.), Вараздинскаго (Warasdiner-G.) и Крижевачскаго (Kreutzer-G.). Здѣсь, отчасти смѣшанно съ Сербами, живетъ особое племя Славянъ, говорящее особымъ нарѣчіемъ. Ученый Копитаръ считаетъ это нарѣчіе отраслью языка Виндо-Словенскаго, которымъ говорятъ донынѣ туземцы въ большей-части Истріи, въ Горицiи, въ Краинѣ, въ Каринтіи и въ Стиріи. См. Bartн. Kopitar *Hesychii Epiglossistes Russus*, *Vindobonæ* 1840, p. 61. Замѣчательно, что нарѣчіе это, болѣе чѣмъ всѣ прочія южно и сѣверо-славянскія, сходно съ нашимъ языкомъ Русскимъ.

тами [20]. Слѣдовательно, нѣтъ причины сомнѣваться, что въ X вѣкѣ жителями нынѣшней Западной Далмаціи и Военной-Кроаціи были не теперешніе Сербы, но настоящіе Кроаты. Имя ихъ — по славянски «Хрваты» и «'Рваты» — всего естественнѣе производится отъ Карпатъ, древней ихъ колыбели, которые и теперь у туземцевъ называются «Грбами» или «Горбами». Едва-ли и Крбава не отсюда-же получила свое названіе, какъ предѣлъ, находящійся у подножія двухъ высокихъ «горбовъ»: Велебича и Плѣшивицы! [21]

Несмотря на совершенную осербѣлость нынѣшнихъ жителей Военной-Кроаціи и Далмаціи, имя Кроатовъ сохраняется еще у нихъ до-сихъ-поръ, но отнюдь не въ смыслѣ народнаго или географическаго различія, а въ смыслѣ чисто религіозномъ: католикъ вездѣ у нихъ называетъ себя «'Рватомъ», то-есть «Кроатомъ», въ противоположность православному, который исключительно зовется «Србиномъ», то-есть «Сербомъ» [22]. Эта странность объясняется изъ исторіи

---

[20] Constantini Porphyrogennetæ *De administrando Imperio*, c. XXX.

[21] Въ *«Исторіи Славянскихъ Народовъ»* Архимандрита I. Рапча — «Крбава» вездѣ называется «Горбава».

[22] Впрочемъ «Сербами» называютъ только сами-себя православные Славяне. Католики напротивъ именуютъ ихъ «Влахами» и «Райцами» или «Рацами» (Raizen и Raazen), придавая этимъ невиннымъ этнографическимъ названіямъ презрительное значеніе. «Райца» или «Рацъ», названіе употребляемое Нѣмцами, означаетъ

распространенія христіанства между Адріатическими Славянами. По свидѣтельству того-жь самаго Константина Порфирогенета [23], когда Кроаты и Сербы въ началѣ VII вѣка прибыли на берега Адріатики, то царствовавшій тогда въ Византіи императоръ Ираклій, преемникъ правъ древнихъ Римлянъ надъ всѣми областями Балканскаго-Полуострова, принявъ незванныхъ гостей въ свои владѣнія, поручилъ обращеніе ихъ въ христіанство папѣ. Въ то время раздѣленія между церквами Восточною и Западною еще не существовало, и епископъ Римскій былъ покорный слуга Византійскихъ кесарей. Вотъ почему Ираклій, безъ всякаго опасенія, вѣроятно по уваженію ближайшаго сосѣдства и удобнѣйшаго сообщенія съ Италіею, предоставилъ папѣ завоевывать духовно новыхъ пришельцевъ каѳедрѣ С. Петра. Такимъ-образомъ установилось, или лучше возстановилось изъ развалинъ древняго Салонскаго архіепископства въ Римской-Далмаціи, разрушеннаго Аварами, новое архіепископство Сплетское, сдѣлавшееся средоточіемъ іерархической организаціи Адріатическихъ Славянъ, подъ первосвященническою вла-

собственно жителя области Рашской или Расской въ нынѣшнемъ Сербскомъ-Княжествѣ, гдѣ положено было первое основаніе древнему Царству-Сербскому. Венгерцы-Мадяры произносятъ это имя, въ томъ-же презрительномъ смыслѣ—«Расъ» (Rasz).

[23] Constantini Porphyrogennetæ *De administrando Imperio*, c. XXX—XXXII.

стію папы. Есть свидѣтельства, что вѣдѣнію новоучрежденнаго архіепископства съ самаго начала подлежала вся Восиная-Кроація, и даже отчасти Провинціяльная [24]. Впрочемъ, несмотря на іерархическую зависимость отъ папы, христіанство утверждалось здѣсь не по Западному Латинскому обряду, но по Восточному Греческому, который, какъ извѣстно, въ то время господствовалъ въ большей части самой Италіи [25]. Отсюда весьма естественно объясняется, почему, съ воспослѣдовавшимъ ослабленіемъ могущества Византійскихъ императоровъ на Западѣ, христіанство у Адріатическихъ Славянъ начало также слабѣть и истребляться. Когда, во второй половинѣ IX вѣка, мужественный императоръ Василій Македонянинъ, дѣдъ Порфирогенета, снова возстановилъ власть свою на восточномъ берегу Адріатики, между живпими тамъ Сербами и Кроатами оказалось столько язычниковъ, что надо было посылать

---

[24] Томæ Archidiaconi Spalatensis *Historia Salonitanorum Pontificum atque Spalatensium*, c. XV.

[25] Именно въ экзархатствѣ Равеннскомъ, обнимавшемъ сѣверо-западный берегъ Италіи, отъ Анконы до Венеціи; равнокакъ во всемъ нынѣшнемъ королевствѣ Неаполитанскомъ, не исключая и Сициліи, гдѣ обрядъ Восточной Церкви истребился окончательно въ весьма недавнія времена. Первый архіепископъ новоучрежденнаго Сплетскаго архіепископства, Іоаннъ, по точному свидѣтельству Ѳомы Архидіакона, пришелъ туда именно изъ Равенны, гдѣ родился и былъ уже епископомъ. *Historia Salonitanorum Pontificum atque Spalatensium*, c. XI.

новыхъ миссіонеровъ для ихъ крещенія [26]. Разумѣется, на этотъ разъ миссіонеры отправлены были изъ Константинополя, а не изъ Рима, который въ то время стоялъ уже въ открытой, церковной и политической, враждѣ съ Византіею. Такимъ-образомъ новообращенные Адріатическіе Славяне пріобрѣтены были и іерархически патріаршеской каѳедрѣ Константинопольской. Такъ-какъ въ то-же самое время апостольскими трудами Кирилла и Меѳодія совершенъ былъ переводъ Священнаго-Писанія и всѣхъ прочихъ богослужебныхъ книгъ на языкъ Славянскій, и этотъ переводъ непосредственно происходилъ отъ Восточной Церкви, въ Западной-же напротивъ встрѣтилъ ненависть и гоненія; то весьма натурально было, что не только вновь обращенные, но и остававшіеся въ христіанствѣ Адріатическіе Славяне больше расположены были къ Византіи, которая во-первыхъ проповѣдывала имъ «старую вѣру» [27] ихъ праотцевъ, во-вторыхъ проповѣдывала не на чужомъ, но на родномъ ихъ языкѣ. Таковы были чувства народа и низшаго духо-

---

[26] Constantini Porphyrogennetæ *De administrando Imperio*, c. XXIX.

[27] Православная вѣра до-сихъ-поръ во всѣхъ южно-славянскихъ земляхъ называется — «старою вѣрою», а православные — «старовѣрцами». Даже Нѣмцы въ Австріи называютъ единовѣрныхъ намъ Славянъ, Грековъ и Валаховъ — какъ я слышалъ самъ въ Вѣнѣ — «Altgläübet».

венства, для которыхъ вѣра была потребностью души, святынею сердца! Но не такъ разсуждали люди большіе, увлекавшіеся мірскими расчетами. Для епископовъ больше было выгоды зависѣть отъ папы, который безпрестанно распространялъ и возвышалъ власть высшаго духовенства, какъ опору собственной власти; чему совершенно противное дѣлалось въ Византіи. Народоначальникамъ непріятно было состоять подъ надзоромъ губернаторовъ, посылаемыхъ изъ Константинополя: они не довольствовались пустыми титулами «патрикіевъ, эпарховъ, спатовъ» и т. п., которыми ласкала ихъ Византійская Императорская Канцелярія; они жаждали полной независимости, которой всего естественнѣе было добиваться у папы, уже присвоившаго себѣ право раздавать вѣнцы и учреждать царства. Соблазнъ гораздо сильнѣе дѣйствовалъ на Кроатовъ, находившихся въ ближайшемъ сосѣдствѣ и тѣснѣйшихъ сообщеніяхъ съ Италіею и Римомъ, чѣмъ Сербы. Вотъ почему еще при императорѣ Василіи Македонянинѣ, великій-жупанъ Кроатскій Бранимиръ, около 879 года, поддался формально папѣ Іоанну VIII [28]. Впрочемъ это былъ тотъ

---

[28] J. C. v. Engel Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer, Halle 1798. Th. II, S. 463. Энгель прибавляетъ притомъ, что большая часть духовенства, даже высшаго, не смотря на Бранимира, осталась въ нѣдрахъ Восточной Церкви: самый

самый Іоаннъ VIII, который, послѣ безплоднаго негодованія, нашелся наконецъ принужденнымъ разрѣшить Славянамъ употребленіе роднаго языка и кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ при богослуженіи. Съ языкомъ Славянскимъ натурально остался и обрядъ Восточный [29]. Но страсти не дремали. Епископы Кроатскіе имѣли свои каѳедры большей-частію въ приморскихъ городахъ, основанныхъ на развалинахъ древнихъ колоній Римскихъ и потому привычныхъ къ языку Латинскому: они не любили языка Славянскаго, котораго пные, пришлецы изъ Италіи, и вовсе не разумѣли. Только одинъ изъ нихъ, Григорій епископъ Нинскій [30], къ эпархіи котораго принадлежала Лика, самъ природный и горячій славянинъ,

---

архіепископъ Сплетскій Маріанъ находился въ явномъ общеніи съ извѣстнымъ патріархомъ Константинопольскимъ Фотіемъ, съ которымъ папа Іоаннъ VIII гремѣли взаимно другъ-на-друга безпрерывными проклятіями.

[29] Что славянское богослуженіе, введенное въ Далмацію къ Сербамъ и Кроатамъ по переводамъ кирилло-меѳодіевскимъ, было чистаго восточнаго обряда, свидѣтельствуетъ древнѣйшій анналистъ Адріатическихъ Славянъ, извѣстный подъ именемъ «Безъименнаго Пресвитера Діоклейскаго», самъ ревностный католикъ. Presbyteri Diocleatis *Regnum Slavorum*, c. IX.

[30] «Нинъ», по-италіянски и по-нѣмецки «Nona», въ старину «Аепона», древняя колонія Римлянъ, бывавшая нѣкогда резиденціею великихъ-жупановъ и кралей Кроатскихъ, подъ Венеціянами столица графства, нынѣ простой, даже не-епископскій, городокъ Задарскаго округа Далмаціи, на берегу Адріатики, въ углу полуострова, образуемаго проливами Морлакскимъ и Задарскимъ.

основывался на разрѣшеніи папы, принялъ явно подъ свое покровительство богослуженіе славянское. Это обратило къ нему всѣхъ Славянъ и другихъ далмато-кроатскихъ эпархій, которые его одного признали своимъ законнымъ пастыремъ. Тутъ-то поднялся шумъ и крики со стороны прочихъ епископовъ. Обратились къ папѣ Іоанну X, который, для возстановленія мира, указалъ собраться въ Сплетѣ собору, подъ предсѣдательствомъ двухъ италіянскихъ епископовъ, посланныхъ имъ въ качествѣ легатовъ. Это было въ 925 году. Разумѣется, большинство голосовъ оказалось противъ славянскаго богослуженія, которое вслѣдствіе того и поражено было соборнымъ проклятіемъ. Однако народъ не слушался. Въ 1059 году надо было созывать новый соборъ, который, собравшись опять въ Сплетѣ, произнесъ вторично анаѳему на славянское богослуженіе и самую славянскую грамоту объявилъ безбожною ересью [31]. Волненіе умовъ и тутъ не прекратилось, но разыгралось еще сильнѣе: такъ-что черезъ пять лѣтъ, именно въ 1064 году, третій соборъ въ Салонѣ, подъ предсѣдательствомъ кардинала,

---

[31] Мудрецы, присутствовавшіе на этомъ соборѣ, были такъ безстыдны, или такъ невѣжественны, что грамоту Славянскую торжественно объявили Готѳскою (litterae Gothicae), и изобрѣтателя ея Меѳодія провозгласили еретикомъ-аріанномъ. Thomae Archidiaconi Spalatensis *Historia Salonitanorum Pontificum atque Spalatensium*, c. XVI.

присланнаго папою Александромъ II, долженъ былъ еще разъ двинуть громы проклятія на ослушниковъ и призвать въ помощь духовному оружію страхъ мірской казни [52]. Такимъ-образомъ, послѣдній узелъ, связывавшій Кроатовъ съ Восточною Церковью, былъ расторгнутъ. Ихъ великіе-жупаны, уже съ 970 года присвоявшіе себѣ титулъ «кралей», охотно потворствовали опредѣленіямъ соборовъ, во вредъ стѣснявшей ихъ Византіи. Не доставало еще торжественнаго признанія и освященія вожделѣнному титулу: и это, конечно въ вознагражденіе усердія оказаннаго въ Салонѣ, учинилъ знаменитый Григорій VII, который въ 1076 году чрезъ своихъ легатовъ вѣнчалъ Димитрія Звонимира «кралемъ Кроаціи и Далмаціи». Вѣнчанію, разумѣется, предшествовало торжественное подклоненіе всего новаго кралевства

---

[52] Что здѣсь дѣло шло не просто объ употребленіи Славянскаго языка при богослуженіи, а о вѣроученіи и обрядахъ Восточной Церкви, очевидно изъ весьма подробно разсказываемой Архидіакономъ Ѳомой (*Historia Salonitanorum Pontificum atque Spalatensium*, c. XVI) исторіи о священникѣ Вукѣ (Ulus), архимандритѣ Потепѣ и избранномъ епископѣ Челедѣ, которыхъ Кроаты посылали съ протестомъ къ папѣ Александру II и изъ которыхъ послѣднему папа, въ паругательство, собственноручно остригъ бороду, отличительный знакъ восточнаго духовенства: всѣ они были прокляты на соборѣ, какъ еретики-аріане, и Вукъ сверхъ-того, какъ зачинщикъ, публично высѣченъ, заклейменъ и осужденъ на всю жизнь въ тюрьму, по именному повелѣнію папы.

каѳедрѣ С. Петра [33], уже враждебной православному Востоку непримиримо. Такъ совершилось отпаденіе Кроатовъ въ католичество: отпаденіе, въ которое вовлеклись и Сербы городовъ приморскихъ, которые вслѣдствіе того стали называть себя также Кроатами «по вѣрѣ». Но большинство Сербовъ осталось въ нѣдрахъ православія. И когда въ послѣдствіи возникло самобытное Царство-Сербское, также подъ знаменемъ православія, мимо всякаго вліянія со стороны папы; то народныя имена «Кроатовъ» и «Сербовъ» весьма естественно сдѣлались символами различія двухъ враждебныхъ вѣроисповѣданій. Чтобы привязать Кроатовъ къ «новой вѣрѣ», принята была любимая система Римской политики: умножать число епископскихъ каѳедръ. И вотъ, въ 1185 году, предѣлъ Крбавскій, до-тѣхъ-поръ составлявшій парохію архіепископіи Сплетской, возведенъ на степень епископства [34]. Новому епископу повелѣно было имѣть каѳедру въ городѣ Крбавѣ, на мѣстѣ котораго находится теперь Удбина [35]. Разумѣет-

---

[33] Подлинный актъ обязательства, даннаго Злопамятнымъ Григорію VII при вѣнчаніи, помѣщенъ въ C. Baronii *Annales Ecclesiastici*, t. XI. год. 1076.

[34] Первымъ епископомъ Крбавскимъ былъ Матѳей Marulæ (Марутичь?), изъ канониковъ Сплетскихъ. Thomæ Archidiaconi Spalatensis *Historia Salonitanorum Pontificum atque Spalatensium*, c. XXIII.

[35] О мѣстоположеніи города Крбавы существовали различныя мнѣнія. Фарлати, авторъ огромнаго творенія, извѣстнаго

ся, этотъ епископъ былъ католикъ, «милостію Божіею и Апостольскаго Престола»; его преемники также. Но такъ была сильна любовь Кроатовъ къ старинѣ, любовь Славянъ къ родному языку, что, черезъ полстолѣтіе, именно въ 1248 году, папа Александръ IV долженъ былъ разрѣшить Сарацену, епископу Крбавскому [36], возстановленіе славянскаго богослуженія въ его эпархіи, только по латинскому обряду, и по книгамъ, писаннымъ не «кириловскими», но такъ-называемыми «глаголитскими» буквами. Преимущество, сохраняемое до-сихъ-поръ епископомъ Сеньскимъ, который наслѣдовалъ права, область и титулъ «епископа Крбавскаго»! [37]

Изъ того, что Крбава удостоилась чести быть епископской каѳедрой, можно съ достовѣрностію заключать, что въ концѣ XII вѣка,

---

подъ заглавіемъ «*Illyricum Sacrum*», первый подалъ голосъ въ пользу нынѣшней Удбины. Энгель оставался еще въ сомнѣніи. Но послѣ описанія памятниковъ Удбины, сдѣланнаго нынѣшнимъ директоромъ училищъ Карльштадтской Военной-Границы, Ф. Ю. Фрашемъ, въ «Topographie der Karlstädter Militair-Grenze» (S. 176–184), сомнѣнію не остается мѣста.

[36] Farlati *Illyricum Sacrum*, t. III, p. 142.

[37] Нынѣшній католическій «епископъ Сеньскій и Модрушскій» или «Крбавскій», Эмерикъ Ожеговичъ фон-Барлабашевецъ (од-Барлабашевца), усердный славянинъ и славянистъ, даже пользуется этимъ, давно вышедшимъ или лучше вытѣсненнымъ изъ употребленія, преимуществомъ, и не рѣдко поетъ мессу на славянскомъ языкѣ по глаголитскимъ книгамъ, исправленнымъ, какъ извѣстно, архіепископомъ Задарскимъ Карамапомъ, между 1741 и 1745 годами, съ нашихъ церковныхъ книгъ.

когда это случилось, здѣсь былъ городъ важный, населеніе многолюдное. Учредительною граматою къ эпархіи Крбавской, кромѣ города и предѣла Крбавы, были причислены еще: часть (medietas) Лики, Нови-Градъ (нынѣ въ Канижской ротѣ Личскаго полка, недалеко отъ Госпича), Дрежникъ (нынѣ главный постъ роты Дрежничской въ Огулинскомъ полку), Плишъ (вѣроятно Плашки въ Плашанской ротѣ Огулинскаго полка, нынѣшняя резиденція православнаго епископа Военной-Кроаціи, или можетъ-быть Плоча въ Свято-Міяйловской ротѣ Личскаго полка), наконецъ Модрушъ (главный постъ Модрушской роты опять въ Огулинскомъ полку) [38]. Слѣдовательно, эпархія простиралась чрезъ всю почти нынѣшнюю Военную Кроацію, по восточной ея половинѣ. Еще до-сихъ-поръ, близъ теперешней Удбины, на небольшой возвышенности, которая называется Калаура, видны великолѣпные остатки каѳедральной церкви епископства Крбавскаго. Она была построена изъ тесанаго камня, съ щедрымъ изобиліемъ архитектурныхъ украшеній въ тогдашнемъ вкусѣ. Подлѣ церкви примѣтны развалины другаго большаго зданія, съ принадлежащимъ къ нему дворомъ: вѣроят-

[38] «Соборное-Дѣяніе», которымъ опредѣлены границы епархіи Крбавской при самомъ ея учрежденіи, находится въ J. Lucii *De Regno Dalmatiæ et Croatiæ* l. IV. p. 237—239.

по монастыря, въ которомъ находилась епископская резиденція. Сверхъ-того, по преданію, епископъ Крбавскій владѣлъ еще, близъ Коренницы, въ нынѣшней Коренничской ротѣ Оточскаго полка, замкомъ Мрзиномъ, котораго величественныя руины, съ остатками фонтана и сада, сохраняются также донынѣ.

Въ отношеніи къ гражданскому управленію, Крбавскій предѣлъ, какъ было уже сказано, въ началѣ X вѣка состоялъ, вмѣстѣ съ Ликою и Гацкомъ, подъ баномъ Кроатскимъ. Неизвѣстно, что означали тогда имя и достоинство «бана». Видно однако, что «банъ» былъ выше, чѣмъ «жупанъ», означавшій «старѣйшину всякой отдѣльной волости». Жупановъ тогда, по свидѣтельству Порфирогенета, было «одиннадцать»; банъ только «одинъ» во всей Византійской Кроаціи, и притомъ онъ владѣлъ не одною, а тремя волостями или жупаніями. Вѣроятно, это былъ товарищъ и намѣстникъ «великаго-жупана», верховнаго главы всѣхъ Кроатовъ: какъ показываетъ смыслъ, въ которомъ имя бана сохранилось донынѣ въ Венгріи, именно въ Провинціяльной-Кроаціи [39]. Когда великіе-

[39] Въ Провинціяльной-Кроаціи до-сихъ-поръ существуетъ титулъ и званіе «бана Далмаціи, Кроаціи и Славоніи», который есть родъ намѣстника королевскаго для такъ-называемыхъ «королевствъ Славонскаго и Кроатскаго», соединенныхъ, но не слитыхъ съ королевствомъ Венгерскимъ. Онъ имѣетъ свое обыкновенное пребываніе въ Загребѣ. Ему однако не подлежитъ Далмація.

жупаны переименовались въ « кралей » и съ латинскою вѣрою приняли латинскій языкъ въ свою канцелярію, то банъ началъ переводить себя « герцогомъ » (dux), жупаны—« графами » (comites). Не долго однако продолжалась мнимая независимость кралей Кроатскихъ, освященная благословеніемъ Григорія VII. Съ смертію первовѣнчаннаго краля Звонимира, воспослѣдовавшею около 1087 года, началась ужаснѣйшая анархія внутри новаго кралевства, усиливаемая извнѣ, съ одной стороны продолжавшимися притязаніями Византійцевъ, съ другой хищными замыслами быстро возраставшей Венеціянской Республики. Жупаны рѣзались между-собою, тогда-какъ Византійцы и Венеціяне прибирали въ свои руки ихъ приморскіе города и области. Вся восточная половина Далматинскаго-Приморья, населенная Сербами, отошла къ новоучрежденному Деспотству-Сербскому, образовавшемуся въ предѣлахъ нынѣшняго Сербскаго-Княжества. При такомъ смятеніи отворился свободный путь къ Кроатамъ новому опаснѣйшему врагу съ сѣвера, въ лицѣ королей Венгерскихъ, которымъ С. Стефанъ, въ началѣ XI вѣка, оставилъ въ наслѣдство сильную, обширную державу. И прежде, съ самаго прихода въ Паннонію, Мадяры — домашнее имя племени, основавшаго нынѣшнее королевство Венгерское — проникали не рѣдко

въ Кроацію до самаго моря, но только набѣгами. Теперь, въ 1091 году, храбрый король Владиславъ I — одни говорятъ, приглашенный вдовой Звонимира на помощь противъ мятежныхъ жупановъ, другіе утверждаютъ, призванный самими жупанами — вышелъ съ многочисленнымъ войскомъ въ нынѣшнюю Военную-Кроацію, перешелъ Велебичъ и, спустясь на берега Адріатики, занялъ Приморскій-Бѣлградъ (нынѣ — Zara Vecchia), столицу кралевства Кроатскаго. Впрочемъ онъ удовольствовался только тѣмъ, что провозгласилъ племянника своего Альмуса кралемъ Кроаціи. Преемникъ Владислава, Коломанъ I, братъ Альмуса, пошелъ далѣе. Въ 1097 году, по соглашенію съ братомъ, онъ занялъ вторично Бѣлградъ вооруженною рукою, и всю сѣверо-западную Кроацію принялъ подъ свое непосредственное владычество. Поздно спохватились жупаны. Они противопоставили-было похитителю, избраннаго ими изъ среды своей, краля Петра, который утвердилъ свою столицу въ Кинѣ. Коломанъ уничтожилъ этотъ послѣдній призракъ самобытности Кроатской, и распространилъ свои завоеванія на всю Далматинскую Кроацію до Сплета. Предчувствуя свою судьбу, двѣнадцать знатнѣйшихъ фамилій Кроатскихъ предварительно заключили договоръ съ Коломаномъ, по которому признали себя подданными Вен-

герской короны, съ-тѣмъ-чтобъ сохранить принадлежавшія имъ волости и имущества. Коломанъ даровалъ имъ права венгерскихъ благородныхъ фамилій и, по феодальному положенію, введенному въ Венгрію, пожаловалъ имъ старыя жупаніи подъ именемъ «графствъ» [40]. Въ числѣ ихъ находилась фамилія Гусичей, которой досталось на долю «графство Крбавское» заключавшееся почти въ однихъ предѣлахъ съ послѣ учрежденною эпархіею Крбавскою. Родъ «графовъ Гусичей», какъ владѣтельный въ Крбавѣ, исторически извѣстенъ до конца XIV вѣка [41]. Они были сильнѣйшіе магнаты въ Военной-Кроаціи и играли важную роль въ событіяхъ Адріатическаго-Приморья. Теперь имя ихъ сохранилось только въ развалинахъ древняго зам-

---

[40] Такъ повѣствуется въ старинной припискѣ, сдѣланной неизвѣстно-кѣмъ къ Архидіакону Ѳомѣ. Происшествіе отнесено въ ней къ 1102 году.

[41] Въ припискѣ къ Ѳомѣ Архидіакону именованъ просто—«comes Paulus de genere Gusichorum (графъ Павелъ изъ рода Гусичей)». Родословіе графовъ Гусичей Крбавскихъ помѣщено въ J. G. Schwandtner *Scriptores Rerum Hungaricarum, Dalmaticarum, Croaticarum et Sclavonicarum* t., III, при Marci Marulli *Regum Dalmatiæ et Croatiæ Gesta.* Оно начинается съ Куріація (правильнѣе—Кириака) Гусича, который въ XIV вѣкѣ получилъ инвеституру на графство Крбавское отъ короля Карла Роберта; не простирается дальше внуковъ Куріація, Ѳомы и Будислава, которые оба въ послѣдній разъ упоминаются въ 1387 году. Однако графъ Францъ Гусичъ, умершій въ 1687 году бургграфомъ Оточскимъ, былъ безъ-сомнѣнія ихъ потомокъ. F. J. Frass, Topogr. der Karlst. Mil.-Grenze, S. 226. Гусичи и теперь есть въ Крайнѣ, въ Нейштадтлѣ. *Тамъ-же* S. 265.

ка, въ Оточскомъ полку въ Берлогской ротѣ, который называется Гусича-Градъ, и въ прилежащемъ къ нему Гусича-Полѣ, среди котораго также находятся руины, оставшіяся, какъ видно, отъ разрушенной церкви.

Такъ оставалась Военная-Кроація подъ владычествомъ королей Венгерскихъ, раздѣленная на графства, управляемая чрезъ посредство бана, представлявшаго лице и власть королевскую, до половины XV вѣка. Въ продолженіе этого времени проникли въ Европу Турки, и губительнымъ потокомъ начали разливаться по Балканскому-Полуострову. Роковая Косовская-Битва (1389), развѣявшая, какъ дымъ, великолѣпный метеоръ Царства-Сербскаго, созданнаго подвигами Нѣманичей [42], должна была вразумить хри-

[42] «Нѣманичи» — потомки Стефана Нѣмани, положившаго первое основаніе краевству Рашскому или Рассіанскому, изъ котораго въ послѣдствіи образовалось-было Царство-Сербское, угрожавшее поглотить собою весь Балканскій-Полуостровъ. Самобытность этой державы, начавшейся и окончившейся съ династіею Нѣманичей, продолжалась около двухъ вѣковъ (1165—1367). Блистательнѣйшій періодъ ея составляли послѣдніе тридцать лѣтъ (1336—1367), со вступленія на престолъ Стефана Душана Сильнаго, потомка Нѣмани въ шестомъ колѣнѣ, который (1340) провозгласилъ себя «царемъ (то-есть кесаремъ, императоромъ) Сербовъ, Грековъ и Булгаровъ». Импровизированная имперія уничтожилась съ сыномъ и преемникомъ Душана, Урошемъ V, погибшимъ (1367) отъ собственныхъ своихъ вельможъ, которые, разорвавъ на клочки царство, уже не смѣли именоваться «царями», но стали звать ся: одинъ—«краемъ», другой—«кнезомъ», третій—«деспотомъ», и т. и. На Косовомъ-Полѣ погибъ князь Лазарь, который успѣлъ-было возсоединить подъ собой большую-часть царства Душанова.

стіапъ о грозящей имъ опасности. Но они, успокоенные временнымъ отвращеніемъ силъ Турецкихъ на издыхающій трупъ Византіи, безпечно продолжали заниматься сами-собою, ослабляя взаимно другъ-друга мелкими враждами. Короли Венгерскіе, сильнѣйшіе изъ христіанскихъ потентатовъ юго-восточной Европы, вмѣсто-того чтобы подкрѣплять и сосредоточивать разъединенныя силы Балканскихъ Славянъ, мутили ихъ нарочно, чтобы потомъ прибрать въ свои руки. Сверхъ-того, они ссорились безпрестанно съ Венеціянами за Далмацію, которая переходила у нихъ изъ рукъ въ руки, словно мячикъ. Между-тѣмъ Константинополь испустилъ послѣдній вздохъ; и Мухаммедъ II, упоенный своимъ торжествомъ, возвѣстилъ, что завоеванная имъ столица кесарей должна сдѣлаться столицею всего свѣта. Это не было одно пустое хвастовство. Вскорѣ послѣ взятія Константинополя (1453), Мухаммедъ двинулся къ Дунаю и сгладилъ съ лица земли послѣдніе остатки Сербіи (1459). Затѣмъ дошла очередь до Босны, Герцеговины, Черной-Горы и Албаніи (1465—1467). Совершая этотъ губительный кругооборотъ, туча задѣла и Военную-Кроацію, гдѣ Лика и Крбава, въ 1467 году, въ первый разъ отвѣдали огня и меча Турецкаго. Тогда царствовалъ въ Венгріи знамени-

тый Матѳей Корвинъ, «рода юнацкаго», какъ говоритъ народная сербская пѣсня, сынъ храбраго воеводы Янка Сибинянина, извѣстнаго болѣе подъ книжнымъ именемъ «Іоанна-Гуніада». Матѳей самъ былъ славный юнакъ, отличный полководецъ, но дурной политикъ. Въ то время какъ столь ужасная гроза свирѣпствовала на Югѣ, онъ устремлялъ свои честолюбивые замыслы на Сѣверъ: дрался не на животъ, на смерть, съ королемъ Богемскимъ; подкапывался подъ эрц-герцога Австрійскаго, который былъ вмѣстѣ императоромъ Римскимъ. Турки на нѣсколько времени дали отдохнуть Западу, занявшись очищеніемъ Востока отъ Венеціянъ. Но, въ 1469 году, они снова проникли, чрезъ Кроацію, до Фріуля и Стиріи; въ 1471 и 1476 годахъ, распространили опустошенія свои, чрезъ Крайнъ и Каринтію, до Зальцбурга; въ 1478 и 1484, повторили тоже-самое. Смерть Мухаммеда II произвела нѣкоторое облегченіе. Съ преемникомъ его, Баязетомъ II, Матѳей заключилъ формальное перемиріе около 1493 года. Но въ какомъ жалкомъ положеніи находилась тогда вся Кроація, въ-особенности Крбава и Лика! Это были двѣ пустыни, которыя, въ оффиціяльныхъ документахъ, назывались не иначе, какъ «пустыня первая» и «пустыня вторая» (de-

sertum primum et desertum secundum) [43]. Чтобы воззвать ихъ снова къ жизни, Матеей открылъ здѣсь свободное прибѣжище бѣглецамъ изъ Босны, Герцеговины и Сербіи: бѣглецамъ «сербскаго языка» и «сербской православной вѣры», которымъ, несмотря на ревность свою къ католичеству, обезпечилъ торжественными декретами совершенную независимость совѣсти и полное наслажденіе всѣми земскими и гражданскими правами. Число этихъ новыхъ пришельцевъ вскорѣ сдѣлалось такъ велико, что присоединившіеся къ нимъ католики, частію изъ воротившихся старожиловъ, частію также изъ бѣглецовъ Босанскихъ и Далматинскихъ, должны были называться «придавцами» (adjuncti), то-есть прихвостнями, допущенными изъ милости къ участію въ правахъ главнаго народонаселенія, которое все состояло изъ «православныхъ Сербовъ» [44]. Вѣроятно находя прежнее управленіе несовмѣстнымъ съ обычаями новыхъ поселенцевъ, король изъялъ ихъ изъ-подъ власти «бана» и указалъ вѣдать прямо и непосредственно «палатину» Венгріи. Ближайшимъ начальникомъ и воеводою ихъ, на случай войны, назначенъ былъ «капитанъ» Сеньскій. Новымъ пришельцамъ и ихъ предводителямъ достались

---

[43] J. C. v. Engel Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer, T. II, S. 558.

[44] Matthæ Regis, 1181. art. 3. 4. sqq.

всѣ земли разоренныхъ монастырей и церквей, всѣ помѣстья убитыхъ или бѣжавшихъ невозвратно владѣльцевъ, мірскихъ и духовныхъ [45]. Такимъ-образомъ Лика и Крбава вдругъ, изъ католически-кроатскихъ « жупаній », превратились въ православно-сербскія «княжины».

Вѣроятно, что около этого времени, между прочими пришельцами, явились въ Крбавѣ и — Княжевичи: можетъ-быть, точно изъ Герцеговины, какъ увѣряетъ Качичъ. По преданію, сохранившемуся въ пѣснѣ, Крушевичи-Княжевичи, около того-жь времени, получили свою «племенитую диплому» отъ короля Матѳея. Они явно были также пришельцы въ графствѣ Книнскомъ, гдѣ находились при Матѳеѣ: ибо, въ противномъ случаѣ, происходя отъ « великаго и древняго племени», не имѣли-бы нужды въ «племенитой дипломѣ». Притомъ, самое имя ихъ очевидно происходитъ отъ слова «князъ»[46], употребительнаго только у Сербовъ, которо-

---

[45] J. C. v. Engel Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer, T. II, S. 299.

[46] «Князъ» у Сербовъ означаетъ деньгѣ « старѣйшину », «начальника», «главу», который во время войны предводитъ, во время мира судитъ и рядитъ свою «княжину». «Жупанъ» у древнихъ Кроатовъ значилъ тоже. Нынѣ въ Кроаціи «жупанъ» означаетъ «католическаго священника», точно-какъ « князъ » въ Славоніи и «xiędz» въ Польшѣ. Но-латини, какъ титулъ « жупана » у Кроатовъ, такъ и титулъ « князя » у Сербовъ, равно переводились словомъ «comes»—«графъ». Тотъ-же самый смыслъ имѣетъ италіянское «conte», въ Далмаціи.

му у Кроатовъ соотвѣтствуетъ слово «жупанъ», въ свою очередь неизвѣстное Сербамъ. Графства Книнское и Крбавское, пограничныя между-собою, оба тогда равно принадлежали Венгріи. Спасаясь отъ ига Турковъ, Крушевичи избрали себѣ убѣжищемъ Книнъ; другіе ихъ родичи двинулись далѣе, въ Крбаву [47].

При обновленіи населенія Крбавы, рода Гусичей уже не является. Не извѣстно почему, титулъ «графовъ Крбавскихъ» наслѣдовала послѣ нихъ фамилія Торквати, изъ патриціянскихъ фамилій Далматинскаго-Приморья, кажется италіянскаго происхожденія. Въ 1493 году, при несчастной сшибкѣ бана Деренчина

---

[47] Въ Вѣнской Императорской Придворной Библіотекѣ есть старая глаголитская рукопись, на которой стоятъ двѣ любопытныя приписки: одна отъ 1346 года — «кнезя Новака, сына кнезя Петра, витезя Пинскаго»; другая отъ 1404 года — въ которой говорится о «кнезѣ Петрѣ, сынѣ кнезя Новака, въ Крбавы». Вартн. Сорітаг *Glagolita Clozianus*, p. XIV. Стало-быть, въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка, былъ на Крбавѣ «кнезь Новакъ»! — «Кнезь», какъ уже замѣчено, есть титулъ принадлежащій собственно Сербамъ; и въ послѣдней припискѣ онъ отличается отъ свойственнаго Кроатамъ титула «жупановъ», придаваемаго другимъ упоминаемымъ въ ней лицамъ. Слѣдовательно, Сербы были уже въ Крбавѣ раньше вторженія Турковъ и приглашенія Матѳеева! — Замѣтимъ также, что польскіе Княжевичи, по Куропатницкому (пр. 14), вышли изъ Кроаціи при королѣ Владиславѣ. Который это Владиславъ, неизвѣстно: вѣроятно однако, Владиславъ III Варненчикъ, который былъ вмѣстѣ и королемъ Венгерскимъ. Если-жь такъ, то и прибытіе Кнежевичей въ Кроацію могло случиться еще ранѣе. Владиславъ Варненчикъ царствовалъ до Матѳея: въ Польшѣ съ 1434, въ Венгріи съ 1439 — по 1444 годъ.

съ одпимъ изъ пашей Босанскихъ на рѣкѣ Уинѣ, упомпнается Карлъ Торквати Крбавскій [48], тотъ самый, по которому приморскій городокъ Паго, принадлежащій и теперь Ликѣ, прозвался Карлопаго [49]. Сынъ Карла, графъ Иванъ Карловичь, является наслѣдникомъ отца своего въ Карлопаго и въ Крбавѣ. Между-тѣмъ Турки не переставали тревожить Кроацію, въ-особенности Крбаву и Лику: въ 1512 году они взяли укрѣпленный замокъ Благай въ нынѣшнемъ Слуньскомъ полку, принадлежавшій князю Георгію Благаю [50], конечно изъ новыхъ сербскихъ переселенцевъ, какъ показываетъ титулъ «князя»; въ 1521 году, разорили замокъ Остро-

---

[48] Фрашъ увѣряетъ, что онъ имѣетъ въ рукахъ своихъ вѣрнѣйшіе списки съ дипломовъ, данныхъ графами Карловичами въ качествѣ графовъ Лики и Крбавы отъ 2 ноября 1387 въ Обровцѣ, отъ 20 октября 1432 и 27 октября 1451 въ замкѣ Почителѣ. Topographie der Karlst. Mil.-Grenze, S. 125. Замѣчательно, что старѣйшій изъ этихъ дипломовъ данъ именно въ томъ году, въ которомъ имена графовъ Гусичей Крбавскихъ упоминаются въ послѣдній разъ (см. пр. 42). Слѣдовательно, Карловичи—они-жъ и Torquati — были непосредственными преемниками Гусичей? —

[49] «Carlopago», свободная военная община (freie Militair-Gemeinde) и порто-франко, находится на берегу Адріатики, у самой подошвы Велебича. Принадлежитъ къ Кроатской Военной-Границѣ, къ полку Личскому, съ 1776 года. Графы Торквати-Карловичи были державцами Карлопаго уже въ 1387 году. F. J. Fras Topographie der Karlst. Mil.-Grenze, S. 414. Сн. J. C. v. Engel Geschichte des Ungr. Reichs und s. Nebenländer, T. II, S. 337.

[50] F. J. Fras Topographie der Karlst. Mil.-Grenze, S. 127.

вичъ, въ то время принадлежавшій къ Ликѣ: нынѣ городъ и крѣпость Островица въ Турецкой Боснѣ. Дѣла Венгріи были тогда очень худы. На престолѣ едва держалась тѣнь короля, въ лицѣ малолѣтнаго и слабаго Людовика II. Управлявшій королевствомъ совѣтъ, въ которомъ находилась сильная австрійская партія, рѣшился отступиться отъ всѣхъ владѣній, остававшихся еще Венгріи на Адріатическомъ-Приморьѣ, и передать ихъ въ покровительство императору Фердинанду I. Это случилось въ 1522 году. Фердинандъ принялъ; и въ то-жь время графа Ивана Карловича, утвердивъ «обергешпаномъ Крбавы и Лики», возвелъ съ-тѣмъ-вмѣстѣ въ достоинство «бана Славоніи, Кроаціи и Далмаціи». Память графа Ивана запечатлѣна въ Крбавѣ слѣдами, до-сихъ-поръ неизгладимыми. Нынѣшней роты Удбиньской при селеніи Комичѣ находится весьма крутая и высокая скала, которая называется Саранча. На вершинѣ этой скалы покоятся величественныя руины огромнаго замка, именуемаго «Карловича-Двори», то-есть дворецъ или палаты Карловича. Еще не совсѣмъ обрушились стѣны великолѣпнаго зданія, сложеннаго изъ крупныхъ, прекрасно вытесанныхъ каменьевъ: онѣ только поросли густымъ кустарникомъ и высокими деревьями. Вокругъ развалинъ три обвалившіеся фонтана

сохраняютъ еще воду. Замѣчаются также слѣды обширнаго фруктоваго сада. Въ сосѣдствѣ видны еще остатки церкви и рупины сторожевой башни. Конечно, графъ Иванъ жилъ [illegible] свое время на славу[51]. Но для насъ особенно примѣчательно то, что въ томъ-же околоткѣ, гдѣ находятся Карловича–Дворп, указываютъ мѣсто, которое называется «Кнежевича-Станъ». Никто не помнитъ, когда и откуда взялось это имя. Но, вѣроятно, оно указываетъ на первое пристанище, которое нашелъ здѣсь глава фамиліи Кнежевичей, подъ сѣнію могучихъ владавцевъ Крбавы.

Ни новые жители, ни новое правительство, не отвратили жребія, который былъ уже написанъ. Страшный Мухаммедъ II ожилъ въ Сулеймапѣ II, равно предпріимчивомъ и храбромъ, равно непримиримомъ врагѣ христіанства. На роковомъ полѣ Мохачскомъ (1526) Сулеймапъ однимъ махомъ сокрушилъ королевство Венгерское. Въ–слѣдъ затѣмъ, именно въ 1527 году, упоенные счастіемъ Турки ринулись снова на Кроацію. Ничто не могло остановить ихъ бѣшенаго остервенѣнія, кото-

---

[51] Графъ Карлъ, отецъ Ивана, жилъ также въ Кемичѣ, и погребенъ тамъ-же. F. J. Fras Topographie der Karlstädter Militair-Grenze, S. 180. Кромѣ Карловича-Дворскихъ рупинъ, въ окрестностяхъ Удбины, находятся еще развалины, которыя преданіе считаетъ остатками охотничьяго замка графа Ивана Карловича.

раго первыми жертвами, разумѣется, сдѣлались опять Крбава и Лика. Графъ Иванъ бѣжалъ еще прежде, имѣвъ несчастіе возбудить противъ себя ненависть народа [52]. Епископъ Крбавскій бросилъ свою резиденцію и скрылся въ Модрушъ. Но Турки слѣдовали за нимъ по пятамъ. Онъ кинулся дальше къ морю, въ городокъ Нови, лежащій между Сенемъ (Zeng) и Рѣкою (Fiume), гдѣ титулъ епископа Крбавскаго и Модрушскаго, продержавшись нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣйствительнаго значенія, переданъ былъ наконецъ епископу Сеньскому [53]. Турки овладѣли почти всею нынѣшнею Воен-

---

[52] Иванъ Карловичъ, облеченный въ высокій санъ бана Славоніи, Кроаціи и Далмаціи, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ обергешпанъ Лики и Крбавы, имѣлъ поползновеніе соблазнить одну дѣвушку изъ Сербянокъ, по-имени Магдалину Богданицу (Богданичеву), и тѣмъ дотого раздражилъ противъ себя народъ, отличающійся донынѣ дикою суровостью патріархальныхъ нравовъ, что долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, пробираясь скрытными, непроходимыми путями. Это случилось въ 1522 году. Мѣсто, гдѣ онъ, во время побѣга, переправлялся черезъ рѣчку Лику, называется досихъ-поръ «Карловича-Бродъ». Онъ умеръ, уже послѣ завоеванія Турками Крбавы, въ замкѣ своемъ Медвѣдѣ, въ Провинціяльной-Кроаціи, 1531 года, безъ наслѣдниковъ. J. C. v. Engel Geschichte des Ungr. Reichs und s. Nebenländer, T. II, S. 314.

[53] Перенесеніе епископской каѳедры изъ Крбавы въ Модрушъ утверждено, еще въ 1460 году, папою Піемъ II, при епископѣ Францискѣ. Въ Нови убѣжалъ епископъ Христофоръ Дубровчанинъ, въ 1494 году. *Additamenta ad Lucium* въ Schwandtneri *Scriptores Rerum Hung., Dalmat., Croat. et Sclav.*, t. III, p. 470. Послѣдній епископъ Модрушскій, Стефанъ Дойчичъ, по Энгелю, умеръ 1694 года въ Загребѣ. Geschichte d. Ungr. Reichs und s. Nebenländer, T. II, S. 318.

ною-Кроаціею. Въ Лик'Ѣ и Крбав'Ѣ они утвердились постоянными жителями, занявъ и укрѣпивъ снова разрушенные замки побитыхъ или прогнанныхъ князей. Вѣроятно, изъ ненависти къ христіанству, или въ отмщеніе за сопротивленіе, они разрушили до основанія резиденцію епископа Крбавскаго и предали въ жертву стихіямъ запустѣвшій дворецъ графа Карловича. Но замокъ Удбиньскій они возстановили и снабдили новыми укрѣпленіями, которыхъ остатки донын'Ѣ рѣзко отличаются отъ развалинъ древняго зданія. Вообще долина Крбавская, или округъ нын'Ѣшней Удбиньской роты, какъ-то особенно нравился Туркамъ. Здѣсь осталось донын'Ѣ множество памятниковъ ихъ пребыванія, весьма любопытныхъ. Возл'Ѣ самой Удбини, не подалеку отъ развалинъ древней церкви С. Марка, славящейся у христіанъ обоихъ вѣроисповѣданій особою святостью [84], находилась мусульманская мечеть, бывшая и для Турковъ предметомъ особеннаго благоговѣнія.

---

[84] Преданіе глаcитъ, что здѣсь сокрыты какія-то мощи; а католики вѣрятъ, что онѣ принадлежатъ мученику, который назывался Марко. Вообще м'Ѣсто это слыветъ въ народѣ «Свети-Гробъ». Православные недавно еще, л'Ѣтъ пятьдесятъ назадъ, собирались сюда праздновать день С. Павла. Но съ-т'Ѣхъ-поръ какъ католики устроили среди развалинъ свою часовню, они перевели отсюда свой праздникъ въ ближайшее селеніе Висучъ. Говорятъ, что въ церкви, когда она существовала, погребено было много славныхъ витязей: въ томъ числѣ и графъ Карлъ Торквати. F. J. Frap Topographie des Karlst. Mil.-Grenze, S. 182.

Сюда, еще на памяти нынѣшняго поколѣнія, въ извѣстный день года [55], прихаживали изъ окрестныхъ владѣній Турецкихъ пилигримы, чтобы совершить молитву, омыться въ струяхъ источника Крбавскаго и бросить нѣсколько «паръ» (монетъ) на святое мѣсто. Вокругъ разсѣяны остатки кулъ, или укрѣпленныхъ жилищь, въ свое время знаменитыхъ мусульманскихъ витязей, какъ-то: Османа Кралевича, Ахмеда Липовца [56], Османа аги Глумача, и т. п.

Сто шестьдесятъ и два года Крбава и Лика находились подъ властію Турковъ. Въ отношеніи къ туземцамъ, которые имѣли терпѣніе остаться на своихъ пепелищахъ, они ввели

---

[55] Это приходится въ 1 число августа. Праздникъ называется по-турецки «Шей-Баязетъ-Аэретъ-Аліа». F. J. Fras Topographie der Karlst. Mil.-Grenze, S. 188.

[56] Въ народѣ сохраняется преданіе, что у Ахмеда Липовца, именно отсюда, славный далматинскій юнакъ, Илія Смиляновичъ, похитилъ красавицу-жену; но былъ настигнутъ Турками и погибъ на горѣ Вучакѣ. Вообще Лика и Удбиня, пока находились во власти Турковъ, были самою обольстительною приманкою для Далматинскихъ Сербовъ-Горцевъ (называемыхъ обыкновенно Морлаками): они представляли себѣ эти оба предѣла земнымъ раемъ, послѣднимъ предѣломъ самыхъ отважныхъ надеждъ и желаній. Есть пѣсня про славнаго витязя Стояна Янковича, въ которой онъ, на убѣжденія любимой имъ турчанки Айкуны принять мусульманскую вѣру, отвѣтствуетъ:

«А! не лудуй, Айкуна ђевойко!
Бога ми! се не би потурчіо,
Да ми даду Лику и Удбиню!»

То-есть: «Не дурачься, Айкуна дѣвойка! Клянусь Богомъ! не потурчился-бъ я и тогда, когда-бъ мнѣ давали Лику и Удбиню!»

здѣсь, какъ и вездѣ, свою несчастную систему «спанизма» [87], по которой бѣдная «рая», то-есть христіане, предоставлялись безусловному произволу своихъ мусульманскихъ тирановъ. Разумѣется, немногіе имѣли такое терпѣніе; и у тѣхъ оно не могло продолжаться долго. Кроація, какъ и всѣ земли Славянскія, подвластныя Туркамъ, закипѣла «ускоками», то-есть бѣглецами, въ родѣ «гайдуковъ» придунайскихъ, въ родѣ нашихъ южно-русскихъ «гайдамаковъ», которые бросали свои жилища съ обѣтомъ смертельной, непримиримой мести утѣснителямъ. Такіе «ускоки», всѣ изъ христіанъ православныхъ, отличающихся всегда и вездѣ предъ католиками силою и храбростью, удалялись преимущественно къ морю, подъ покровитель-

[87] «Спаи» называются помѣщики въ странахъ Славянскихъ обладаемыхъ Турками. Всѣ они мусульмане, и всѣ почти происходятъ отъ старинныхъ туземныхъ властелей, князей, жупановъ и воеводъ, какъ показываютъ ихъ фамильныя имена, большейчастью славянскія; на-примѣръ на Удбинѣ—Краленичъ, Липованцъ, Глумачъ, и т. п. По закону, они должны-бы только довольствоваться съ «раи», то-есть съ христіанъ живущихъ въ ихъ помѣстьяхъ, оброкомъ—«главщицею» (полуннымъ окладомъ) и «десетиномъ» (десятиною). Но какъ произволу ихъ нѣтъ никакого обузданія, и «рая», считаемая по-ровнѣ съ собаками, не можетъ надѣяться отъ турецкаго правосудія ни защиты, ни покровительства: то бѣдные христіане подвергаются отъ своихъ «спасовъ» всякаго рода притѣсненіямъ и мучительствамъ. Въ особенности свирѣствуютъ противъ своихъ братьевъ ренегаты; такъ-что у Сербовъ есть пословица: «не ма турчина без потурченяка» (то-есть — «не было-бы турковъ, безъ потурченыхъ ренегатовъ»,! См. Вука Стефановича-Караджича *Денница*, 1827, с. 78—89.

ство капитанеата Сеньскаго, и оттуда громили Турковъ [88]. Они нападали на нихъ частію произвольно собиравшимися шайками, по-туземному «четами», которыми предводительствовали избранные изъ среды ихъ «арам-баши»; частію подъ командою австрійскихъ генераловъ, какъ на примѣръ, въ 1578 году, Андрея Ауэршперга,

---

[88] Имя «ускоковъ», страшное и зловѣщее для иноплеменниковъ, дома у Южныхъ-Славянъ не имѣло въ себѣ ничего предосудительнаго, даже заключало смыслъ почетный. Ускоки, въ глазахъ своихъ одноземцевъ, были герои, мстители и поборники своего отечества, народности, вѣры. Въ продолженіе XVI и XVII столѣтій, самыхъ тяжкихъ для Адріатическихъ Славянъ, всѣ горы Далмаціи и Военной-Кроаціи были ими преисполнены. Но только въ окрестностяхъ Сеня удалось имъ сомкнуться въ нѣкоторый родъ общины, которая отчасти можетъ быть сравнена съ нашими козацкими Запорожскими-Сѣчами. Отсюда они набѣгали порядочными массами не только на Турковъ, но и на сосѣднихъ Венеціянъ, съ которыми дрались и на сушѣ и на морѣ. Республика не рѣдко приносила на нихъ формальныя жалобы Австрійскому Двору и даже, по поводу ихъ, заключала съ нимъ оффиціяльные договоры. Но ускоки были люди непривычные къ покорности. Они однажды (въ 1601 году) истерзали императорско-австрійскаго коммисара графа Рабатту, который вздумалъ обращаться съ ними слишкомъ круто. Убійство оставлено было безъ всякаго наказанія, потому-что правительство чувствовало нужду въ отчаянной храбрости ускоковъ. Даже вскорѣ послѣ того (именно въ 1610 году), императоръ Рудольфъ II многимъ изъ ускоковъ, въ награду за подвиги противъ невѣрныхъ, даровалъ права дворянства и назначилъ вѣчные пансіоны. J. C. v. Engel Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer, T. II, S. 337. Императоръ Фердинандъ II (въ 1621 г.) повторилъ тѣже самыя милости. F. J. Fras Topographie der Kaiserl. Mil.-Grenze, S. 134. Впрочемъ число ускоковъ Сеньскихъ никогда не простиралось выше шести, или по-высшей-мѣрѣ семи-сотъ удальцовъ. Ихъ главный пріютъ, кромѣ нагорныхъ окрестностей Сеня, былъ приморскій городокъ Карлопаго.

который, съ помощію ускоковъ, дошелъ до самой Удбини, бывшей въ то время главнымъ постомъ Турковъ, и имѣлъ съ ними тамъ жаркую схватку. Въ-особенности гнѣздомъ ускоковъ было мѣстечко Брнь, по-нѣмецки Bründel [59], нынѣ главный постъ Брньской роты Огулинскаго полка, съ принадлежащимъ къ нему предѣломъ. Здѣсь, въ селеніи Прокике [60], осно-

[59] «Брнь», главное селеніе предѣла Брньскаго, заключаетъ въ себѣ нынѣ 240 домовъ, 2,369 жителей, Сербовъ, по исключительно католиковъ. Возлѣ него, на небольшомъ холмѣ, находится еще въ цѣлости замокъ Брнь, называемый иначе Соколацъ. Онъ принадлежалъ знаменитой фамиліи графовъ Франджипани, старинныхъ державцевъ далматинскаго острова Крка (по-италіански—Veglia), которые въ XIII вѣкѣ, за убѣжище и помощь, данныя королю Венгерскому Белѣ IV при нашествіи Монголовъ, получили отъ него большія помѣстья въ Военной-Кроаціи, въ томъ числѣ и предѣлъ Брньскій. Преданіе говоритъ, что съ тѣхъ еще поръ Франджипани постоянно приглашали сюда, въ предѣлъ преимущественно подвергшійся опустошенію Монголовъ, поселенцевъ изъ Далмаціи и другихъ странъ Сербо-Славянскихъ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, графы Франджипани имѣли постоянное пребываніе въ Сенѣ. Вотъ почему ускоки, отдавшіеся подъ покровительство капитанеата Сеньскаго, жили преимущественно въ ихъ помѣстьяхъ, особенно въ предѣлѣ Брньскомъ. Хотя въ самомъ селеніи Брнѣ всѣ жители перешли въ католичество, но въ округѣ роты Брньской православныхъ съ католиками приходится еще и теперь почти половина-на-половину. F. J. Fras Topographie d. Karlst. Mil.-Grenze, S. 283—286.

[60] Прокике (Prekike), одно изъ 10 селеній, принадлежащихъ къ ротѣ Брньской, заключаетъ въ себѣ 78 домовъ, съ 945 жителями, изъ которыхъ только 89 католиковъ, всѣ прочіе православные. F. J. Fras Topographie d. Karlst. Mil.-Grenze, S. 288. Какъ Прокике, такъ и Брнь, лежатъ на такъ-называемой «Іозефинской-Дорогѣ» (Josephiner-Straße), проходящей изъ Карльштадта въ Далмацію, между почтовыми станціями Езераной и Жутой-Локвой.

валась и фамилія Кнежевичей, принимавшая ревностное участіе въ набѣгахъ на похитителей ея древняго «отачства». Неизвѣстно, когда именно она «ускокнула» сюда: извѣстно только, что въ XVII вѣкѣ Кнежевичи были уже осѣдлыми поселенцами предѣла Брпьскаго [61].

Колесо счастія обернулось рѣшительно противъ Турковъ послѣ осады Вѣны (1683), бывшей апогеемъ ихъ могущества. Австрійцы, спасенные Собѣскимъ, ободрились и, пользуясь стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, начали дѣйствовать наступательно на всѣхъ пунктахъ границы Турецкой. Въ 1685 году, баронъ фон-Гербершгейнъ, генералъ австрійскихъ войскъ въ Кроаціи, вспомоществуемый ускоками, ударилъ на Лику, разбилъ Турковъ и опустошилъ множество ихъ замковъ и кулъ, въ томъ числѣ знаменитый замокъ Перушичъ, лежавшій между Оточцемъ и Госпичемъ. Корпусу Гербершгейна было потомъ указано идти въ нынѣшнюю Славонію, противъ крѣпостей, расположенныхъ по Савѣ. Въ отсутствіе регулярныхъ войскъ, ускоки, въ особенности Сеньскіе, Брпьскіе и Оточскіе, сами собрались въ «четы» (шайки) и, подъ предводительствомъ своихъ «арамбашей» (начальниковъ), пустились продолжать набѣги на Турковъ, разгромили Нови, одинъ изъ

---

[61] F. J. Fras Topographie der Karlst. Mil.-Grenze, S. 141.

укрѣпленнѣйшихъ ихъ замковъ возлѣ Госпича, очистили всю Лику и навели такой страхъ на невѣрныхъ, что они принуждены были отсиживаться въ единственно оставшихся за ними замкахъ Крбавы: Бѣлаѣ, Буничѣ и Удбиниѣ. Баронъ фон-Гербершгейнъ возвратился наконецъ въ полномъ торжествѣ, завоевавъ Дубицу, Бродъ и Градишку. Тогда онъ принялъ опять подъ свою команду храбрыхъ удальцевъ и, послѣ упорной защиты со стороны Турковъ, овладѣвъ Бѣласмъ, Буничемъ и наконецъ Удбиней, въ 1689 году, отбросилъ ихъ навсегда за Плѣшивицу. Такимъ-образомъ Лика и Крбава, всѣ сполна, возвратились снова подъ власть Австріи, подъ которою остаются и донынѣ. Для насъ при этомъ случаѣ важно то, что между воеводами ускоковъ, сражавшихся подъ командою Гербершгейна, находился арам-баша Маріанъ Кнежевичъ, павшій на полѣ битвы при взятіи Удбини [62].

Австрійское правительство сначала хотѣло возстановить возвращенныя области на прежней ногѣ. Въ-слѣдствіе того, декретомъ отъ 22 іюня 1693, Лика и Крбава соединены были въ одно «графство» или «генпанство», котораго «наслѣдственнымъ обергенпаномъ» (comes perpetuus) признанъ былъ Адольфъ графъ фон-

[62] F. J. Fras Topographie der Karlst. Mil.-Grenze, S. 144.

Цинцендорфъ, заплатившій за то въ императорскую казну большія деньги [63]. Но благородный покупщикъ скоро увидѣлъ, что онъ сдѣлалъ весьма невыгодную спекуляцію, и потому поспѣшилъ возвратить оба предѣла назадъ правительству, которое между-тѣмъ возъимѣло мысль дать имъ другую организацію, болѣе сообразную съ нравами жителей и съ потребностями мѣстности. Земли, оставшіяся послѣ Турковъ, разумѣется достались ускокамъ, купившимъ или воротившимъ старыя права свои на нихъ кровью. Воеводы ихъ сверхъ-того получили, въ награду своихъ подвиговъ, австрійское дворянство и офицерскіе ранги [64]. Какъ тѣ, такъ и другіе, водворясь на утвержденныхъ за ними земляхъ, не переставали быть воинами: и это было необходимо, когда Турки были подъ бокомъ, когда надо было держаться противъ нихъ постоянно и неусыпно на-сторожѣ. Такъ самыя обстоятельства внушили идею образованія «Военной-Границы»: идею, которой осуществленіе составляетъ безсмертную славу внутренней австрійской администраціи. Устроеніе «Кроатской Военной-Границы» началось немедленно по заключеніи Карловачскаго мира съ Портою въ 1699 году, при

---

[63] J. C. v. Engel Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer, T. II, S. 316.

[64] F. J. Fras Topographie der Karlst. Mil.-Grenze, S. 145.

императорѣ Леопольдѣ I. Оно приведено въ окончательное исполненіе уже при Карлѣ VI, трудами герцога фон-Гильдбургсгаузенъ, который, послѣ двухлѣтнихъ работъ на-мѣстѣ, съ 1747 года пустилъ въ ходъ новый порядокъ вещей, сохраняющійся, съ нѣкоторыми измѣненіями, донынѣ [63].

Между воеводами, облагородствованными въ награду ихъ подвиговъ, находился и Кнежевичъ, отличившійся въ 1691 году при завоеваніи самыхъ южныхъ краевъ Лики и Крбавы, именно нынѣшнихъ округовъ Грачачской и С. Міяйловской роты Личскаго полка [66]. Разумѣется, это сдѣлано было, по тогдашней си-

---

[63] Послѣднее учрежденіе Военной-Границы, составленное подъ заглавіемъ „die Grundgeſetze für Karlſtädter-, Warasdiner-, Banal-, Slawoniſch-, und Banatiſche- Militair-Grenze", утверждено императоромъ Францемъ I въ 7 день августа 1807.

[66] Это долженъ быть тотъ Добровой Кнежевичъ, который, вмѣстѣ съ другимъ воеводою, Предоемъ Закланомъ, предводительствовалъ ускоками при взятіи замка Бунича, въ нынѣшнемъ Оточскомъ полку въ Бунической ротѣ. F. J. Frass Topographie der Karlſt. Mil.-Grenze, S. 244. Фрашъ утверждаетъ, что облагороствованная фамилія Кнежевичей еще прежде принадлежала къ «буневцамъ»: такъ называютъ православные Сербы своихъ католическихъ однородцевъ. *Тамъ-же* S. 145. Но онъ-же говоритъ, что Добровой Кнежевичъ въ тоже время заселилъ здѣсь многіе домы своими спутниками, отъ которыхъ происходятъ большею-частью и нынѣшніе жители селенія Бунича. *Тамъ-же* S. 245. Между-тѣмъ Буничане до-сихъ-поръ всѣ почти православные. Во всей ротѣ Бунической на 3,449 православныхъ считается только 191 католикъ. См. Zagrabiense Kalendarium *pro anno 1841, Zagrabiæ, typ. F. Suppan.*

стемѣ нетерпимости, съ условіемъ обращенія новопожалованныхъ рыцарей и бароновъ въ католичество. Такимъ-образомъ отдѣлилась отъ общаго корня Кнежевичей вѣтвь католическая, которая съ-тѣхъ поръ не имѣетъ никакого общенія съ остальными своими родичами, пребывшими въ неуклонной вѣрности православію. Знаменитѣйшій изъ этой вѣтви былъ Мартинъ баронъ фон-Кнежевичъ. Въ 1739 году, онъ, въ рангѣ капитана, отличился блестящими подвигами храбрости противъ трехъ пашей, вторгшихся въ самый крайній уголъ пынѣшняго Личскаго полка, на «тройной межѣ» Кроаціи, Босны и Далмаціи, гдѣ теперь округъ роты Зерманьской. Въ послѣдствіи, онъ дослужился до генеральскаго чина, и былъ кавалеромъ австрійскаго военнаго ордена Маріи Терезіи. Развалины замка, ему принадлежавшаго, видны до-сихъ-поръ близъ Грачца, главнаго поста роты Грачанской, часа на три ходьбы отъ Удбины. Здѣсь-же, въ приходской католической церкви, покоится и самый прахъ его, съ слѣдующею латинскою надписью:

MARTINO LIBERO BARONI DE KNEXEVICH,
REG. HUNG. MAGNATI, CÆS. REG. GENERALI ACIEI STRUCTORI, ORDINIS MILITARIS THERESIANI EQUITI, MORALITATEM EXUTO III KAL. NOVEMB. ANNO MDCCLXXXI, AETATIS LXIX: GEORGIUS SUB STIPENDIIS MAGNI DUCIS ETRURIÆ LEGIONIS PRO-TRIBUNUS; IOANNES UNIUS IN BANATU CROATIÆ PEDESTRIS LEGIONIS INSTRUCTOR; ANTONIUS EQUITUM, PETRUS ET LEOPOLDUS PEDITUM CAROLOSTADIENSIUM CENTURIONES; VICENTIUS PANNONIÆ EQUESTRIS MILITIÆ PRO-CENTURIO:
AMANTISSIMO PATRI MOESTISSIMI FILII POSUERE.

Бароны Кнежевичи, сыновья Мартина, въ 1802 году уступили всѣ принадлежавшія имъ здѣсь земли и зданія казнѣ: въ замѣнъ чего получили въ Венгріи, въ графствѣ Саладскомъ, помѣстье Санкт-Елену, на островѣ Муракёзѣ, возлѣ Чакатурна [66]. Они и называются теперь поэтому — Freiherrn Knezevich von St.-Helena [67].

Прочіе Кнежевичи оставались до 1716 года въ Пройкке около Брпия. Было сказано, что еще въ 1689 году, при взятіи Удбины, легъ костями со славою храбрый воевода Маріанъ

---

[66] Графство Саладское (Szalader Gespannschaft) находится въ Задунайской Венгріи (Kreis jenseits der Donau), въ смежности съ Провинціальною-Кроаціею. На островѣ Муракёзѣ, образуемомъ чрезъ сліяніе рѣкъ Мура и Драву, живетъ много настоящихъ Кроатовъ, одного племени и языка съ Кроатами-Провинціяльными, которые называются здѣсь особымъ именемъ «Междумурцевъ» (Medjumurci).

[67] Кромѣ бароновъ Кнежевичей фон-Санкт-Елена есть еще католики Кнежевичи въ разныхъ мѣстахъ Кроаціи и Славоніи. Въ «Zagrabiense Kalendarium *pro anno 1841*» показаны въ числѣ католическихъ священниковъ: *Gregorius Knezevich*, заслуженный пароxъ Свичскій (въ Оточскомъ полку и въ Огочской ротѣ), и *Adalbertus Knezevich*, кооператоръ пароха Црнскаго (въ Бродскомъ полку Славонской Военной-Границы); между гражданскими чиновниками: *Franciscus Knezevich*, инспекторъ помѣстья Кучевскаго и ассессоръ судейской табулы графствъ Вараждинскаго и Пожешскаго; *Casimirus Knezevich*, сборщикъ податей и судейской табулы ассессоръ въ графствѣ Веровитицкомъ: *Ladislaus Knezevich*, дворянскій судья въ Осѣчскомъ уѣздѣ Веровитицкаго графства и ассессоръ судейской табулы графствъ тогоже Веровитицкаго, Сремскаго и Бачскаго. Сверхъ-того въ Венеціи живетъ Ф. Іосифъ Knezevich von Lehrsheim, имп.-кор. военно-морскій секретарь, референтъ и директоръ канцеляріи политическаго департамента въ имп.-кор. военно-морскомъ обер-комманде.

Кнежевичъ изъ Брина. Предводительствуемой имъ дружинѣ тогда-же досталось селеніе Мутиличъ [69]. Неизвѣстно, былъ-ли съ нимъ тогда кто изъ родственниковъ, и того, оставилъ-ли онъ послѣ себя дѣтей [70]. Извѣстно только, что Кнежевичи, спустя двадцать-семь лѣтъ поднявшіеся съ Брина, пошли искать себѣ новыхъ жилищъ также на Удбинѣ, и именно въ Мутиличѣ. Что влекло ихъ сюда? Старос-ли воспоминаніе о пребываніи здѣсь ихъ предковъ, или свѣжая память недавней славной смерти ихъ родича? Можетъ-быть, не жилъ-ли ужъ тутъ кто-нибудь изъ Кнежевичей, пришедшій

---

[69] Бринь и Удбина издавна имѣли между-собою взаимныя обязательства непримиримой вражды, кровавой мести. Тотчасъ послѣ занятія Лики и Крбавы Турками, славный мусульманскій витязь Османъ ага Глумачъ, котораго кула сохраняется еще на Удбинѣ, устремился на Бринь, вѣроятно преслѣдуя бѣглецовъ; но былъ имъ отраженъ, получилъ тяжкія раны, обратился въ бѣгство, настигнутъ въ долинѣ Дабрской (въ Скарской ротѣ Оточскаго полка), снова здѣсь разбитъ, и погибъ, спрятавшись въ дупло одного большаго дерева. F. J. Fras Topographie der Kaiſt. Mil.-Grenze, S. 259. Привелось-же наконецъ и Брининамъ видѣть предводителя своего падшимъ подъ сѣнію кулы погибшаго отъ нихъ юнака. Такъ сполна разочлись обѣ стороны!

[70] При первомъ образованіи Личскаго полка (1746—1750), между капитанами первый упоминается Юро Кнежевичъ. Кто онъ былъ, какого вѣроисповѣданія и въ какомъ родствѣ съ прочими Кнежевичами, неизвѣстно. Не находился-ли онъ въ какой-нибудь близкой связи съ Маріаномъ Кнежевичемъ? Католикъ Мартинъ былъ въ то время уже барономъ фон-Кнежевичъ и числился послѣднимъ ротмистромъ въ томъ-же Личскомъ полку. F. J. Fras Topographie der Kaiſt. Mil.-Grenze, S. 140.

съ Маріаномъ? Или просто имъ хотѣлось присосѣдиться къ своимъ одноземцамъ, Брипянамъ? Какъ-бы то ни было, только они поселились въ Мутилчѣ, купивъ себѣ грунты фамилій Портиеровъ и Вукасовичей [71]. Новопришедшихъ Кнежевичей было два брата, Плія и Радивой, сыновья Уроша Кнежевича, дальше котораго не восходитъ родословное древо, сохраняемое въ фамиліи. Такимъ-образомъ, съ самаго прибытія въ Мутилчъ, фамилія Кнежевичей раздѣлилась на двѣ линіи, которыхъ потомство продолжается донынѣ. Замѣчательно, что въ томъ самомъ году, когда Плія и Радивой Кнежевичи водворились въ Мутилчѣ, со стороны Австрійцевъ были противъ Турковъ сильныя наступательныя вылазки, въ которыхъ преимущественно участвовали Личане и Крбавцы. Итакъ кровь невѣрныхъ была первый привѣтственный кубокъ, угостившій пришельцевъ на новосельѣ!

Плія Кнежевичъ, который былъ старшій изъ братьевъ, имѣлъ у себя четырехъ сыновей: Тома, Константина, Алексу и Филипа. Изъ нихъ Филипъ скончался бездѣтенъ. Три прочіе оставили по себѣ дѣтей. Сыновья Тома, Плія и Филипъ, были капитанами. Во время послѣдней войны Австрійцевъ съ Турками, они оба находились въ славномъ дѣлѣ 27 мая 1789 года при Добромъ-Селѣ (въ Добро-Сельской ротѣ Лич-

[71] F. J. Fras Topographie der Karlst. Mil.-Grenze, S. 288.

скаго полка), гдѣ 1,500 Личанъ и Оточцевъ, въ продолженіе десяти часовъ, удерживали 10,000 Турковъ, предводительствуемыхъ Мустаемъ пашею Скупскимъ. Капитанъ Филипъ остался на полѣ битвы; капитанъ Илія украсился почетными ранами. Сынъ капитана Ильи былъ маіоръ Мато, умершій бюргермейстеромъ въ Панчовѣ, въ Баннатской Военной-Границѣ. Съ нимъ окончилось мужское поколѣніе Тома. Отъ Алексы, брата Томова, происходитъ капитанъ Васо, нынѣшній командиръ Раковицкой роты Огулинскаго полка. Капитанъ Васо бездѣтенъ; но у него есть братья и племянники, въ которыхъ продолжается поколѣніе Алексы. Самое обильное потомство осталось у Константина, третьяго брата Алексы и Тома Оно конечно продлитъ надолго старшую линію Княжевичей.

У Радивоя Княжевича, младшаго брата, было семь сыновей: Тодоръ, Станиша, Милисавъ, Лука, Маріанъ [72], Видъ и Дмитаръ. Трое изъ нихъ, Милисавъ, Лука и Маріанъ, умерли бездѣтны. Остальные сдѣлались родоначальниками четырехъ дошныѣ существующихъ въ

[72] Имя Маріана, носимое однимъ изъ сыновей Радивоя Княжевича, даетъ поводъ предполагать, что витязь Маріанъ Княжевичъ, купивній кровью своей отчину нынѣшнимъ Княжевичамъ, былъ въ близкомъ родствѣ съ Радивоемъ, можетъ-быть родной братъ, или по-крайней-мѣрѣ родной дядя, сынъ Уроша Княжевича. Изъ родословнаго древа видно, что въ фамиліи Княжевичей господствуетъ постоянно обыкновеніе давать младшимъ имена старшихъ въ родѣ, племянникамъ имена дядей, внукамъ имена дѣдовъ.

Мутиличѣ отраслей младшей линіи Княжевичей. Максимъ Дмитріевичъ, выѣхавшій въ Россію, былъ старшій сынъ Дмитра, то-есть Димитрія. У него осталось на родинѣ три брата: Симо, Никола и Ілія Всѣ они уже скончались. Симо имѣлъ двухъ сыновей: Тодора и Максима. Тодоръ пропалъ въ Россіи, во время Наполеонова похода, въ который увлечены были и Кроаты, находившіеся тогда подъ владычествомъ Франціи. Максимъ умеръ дома бездѣтный. У Николы остался сынъ Іово, который живетъ теперь въ Обровцѣ, въ Далмаціи, занимаясь торговлей. Представителями поколѣнія Дмитрова въ Мутиличѣ остаются четыре сына Ілін: Дмитаръ, Гаіо, Паво и Никола. Это самые ближайшіе родственники, именно родные племянники Максиму Дмитріевичу. Рядомъ съ ихъ кучею, въ которой родился Максимъ Дмитріевичъ, находится куча поколѣнія Вида, другаго сына Радивоя Княжевича. У Вида былъ только одинъ сынъ, носившій имя дѣда, Радивой. Онъ имѣлъ рангъ фельдфебеля и ходилъ на Черную-Гору въ отрядѣ Вукасовича [73]. У него осталось два сына: Симо и Дано. Симо умеръ недавно,

---

[73] Маіоръ Вукасовичъ былъ посланъ въ Черную-Гору императрицею Маріею-Терезіею, во время войны Турецкой, съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ, также съ порохомъ и деньгами, чтобы возбудить Черногорцевъ къ возстанію на Турковъ.

бездѣтный, въ рангѣ обер-лейтенанта. Дано здравствуетъ доныпѣ простымъ, бравымъ «граничаромъ». Онъ отецъ четырехъ сыновей, которыхъ имена: Стево, Міяйло, Симо и Радо. Отъ двухъ другихъ сыновей Радивоя, Тодора и Станиши, существуетъ многочисленное потомство, котораго большая-часть находится также въ Мутиличѣ, на родовыхъ грунтахъ, въ прародительскихъ кучахъ [74].

Вотъ все, что можно было собрать любопытнаго и исторически извѣстнаго о лицахъ фамиліи Кнежевичей вообще, и Кнежевичей-Мутиличскихъ въ-особенности. Для бо̀льшей ясности прилагается здѣсь родословное древо Кнежевичей Мутиличскихъ, начиная съ Уроша Кнежевича [75]. Нельзя ручаться за полноту этого древа. Извѣстно, что во второй половинѣ прошлаго столѣтія, именно съ 1770 по 1784 годъ, въ православной епархіи Арадской, въ

---

[74] Въ «Карльштадскомъ Мѣсяцословѣ *на лѣто 1840*» находится *Савва Кнежевичъ*, православный пароxъ Подлапачскій (въ Добросельской ротѣ Личскаго полка), одинъ изъ потомковъ Тодора Кнежевича. Онъ приходится двоюродный внукъ покойному Максиму Дмитріевичу.

[75] Со словъ Мутиличанъ, въ-особенности Дана Кнежевича, я составилъ свою генеалогическую таблицу рода Кнежевичей. Она оказалась совершенно согласною съ родословнымъ древомъ, находившимся у Александра Максимовича, которое было получено имъ, въ 1817 году, отъ маіора Мата Кнежевича въ Вѣнѣ: только, будучи двадцатью годами позже, пріумножилось натурально вновь народившимися и успѣвшими вырость лицами. Въ прилагаемомъ древѣ всѣ эти новыя лица прибавлены.

Венгріи, былъ епископомъ преосвященный Пахомій Княжевичъ. Въ родословномъ древѣ его пѣтъ; хотя онъ, по преданію, долженъ былъ состоять въ близкомъ родствѣ съ православными Княжевичами Мутиличскими [76]. Впрочемъ, статься-можетъ, онъ происходилъ отъ сына, или отъ брата, или отъ другаго какого близкаго родственника Урошу Княжевичу, который, по какимъ-либо причинамъ, не заблагоразсудилъ переселиться съ Плісю и Радивоемъ въ Мутиличъ, и котораго потомство, въ-слѣдствіе того, потерялось изъ памяти и не попало въ родословное древо Княжевичей Мутиличскихъ [77].

---

[76] Православная эпархія Арадская находится въ За-Тисской Венгріи (Kreis jenseits der Theiß), по правую сторону рѣки Мароша, и простирается отчасти въ Трансильванію. Епископъ ея, одинъ изъ богатѣйшихъ, носитъ нынѣ титулъ «Арадскаго, Велико-Варадинскаго, Еполольскаго и Халмачскаго»: каѳедру имѣетъ въ городѣ Старомъ-Арадѣ, въ графствѣ Арадскомъ (Arader Gespannſchaft). По сказанію старика Омчикуса, Максимъ Дмитріевичъ отправился въ Россію съ однимъ архіереемъ, своимъ родственникомъ. Кто могъ быть этотъ архіерей, какъ не преосвященный Пахомій Княжевичъ?

[77] Въ Войничской ротѣ Слуньскаго полка находится цѣлая деревня, называемая Княжевичъ, состоящая изъ 20 домовъ и 208 жителей, изъ которыхъ только 3 католика, всѣ-же прочіе православные. F. J. Frass Topographie der Karlſt. Mil.-Grenze, S. 349. Что значитъ это названіе? Отъ какого Княжевича произошло оно? Въ «Карльштадтскомъ Мѣсяцословѣ *на лѣто 1840*» стоитъ *Ѳома Княжевичъ*, православный пароxъ Утиньскій, въ Вукманичской ротѣ также Слуньскаго полка. Такого имени нѣтъ въ родословномъ древѣ Княжевичей Мутиличскихъ. Значитъ, есть другая вѣтвь православныхъ Княжевичей въ Военной-Кроаціи, о которой Мутиличане ничего не знаютъ или не хотятъ знать!

Здѣсь не неприлично, думаю, сказать что-нибудь вообще о состояніи «граничаровъ», или жителей Военной-Границы, къ которымъ принадлежитъ до-сихъ-поръ бо́льшая часть рода Кнежевичей. «Граничаръ», по-нѣмецки «Grenzer» или «Grenzmann», весьма походитъ на нашего «казака». Онъ есть природный воинъ, и вмѣстѣ не только осѣдлый домохозяинъ, но и свободный землевладѣлецъ. Грунтъ, который ему принадлежитъ, есть его помѣстная собственность, или — говоря языкомъ западно-европейской юриспруденціи — «леѣнъ» (feudum, beneficium). За пользованіе имъ онъ не обязанъ ничѣмъ никому, кромѣ одного своего государя, которому оплачиваетъ подданническую повинность военною службою, соразмѣрно съ количествомъ своего владѣнія. Точь-въ-точь положеніе первобытныхъ «вассаловъ» или помѣщиковъ въ Западной-Европѣ! Конечно, граничаръ не имѣетъ власти ни продать, ни заложить, ни даже раздѣлить между дѣтьми своего грунта: но онъ можетъ, съ разрѣшенія начальства, промѣнять его на другой; можетъ, выходя изъ граничаровъ въ другое званіе и другую службу, уступить его правительству, съ должнымъ вознагражденіемъ по расчету. Такъ-какъ, вслѣдствіе основныхъ началъ земскаго положенія граничаровъ, грунтъ есть родъ жалованья, которое со стороны владѣльцевъ должно быть

оплачиваемо опредѣленною службою; то правительство приняло мѣры, чтобы это жалованье шло въ прокъ, чтобы грунты не разстроивались отъ небреженія или отъ развлеченія граничаровъ службою. Для этого оно чрезвычайно умно воспользовалось патріархальными правами и обычаями, вообще такъ свойственными и любезными Славянамъ. Граничары не занимаются каждый своимъ хозяйствомъ отдѣльно. Они соединены въ общины (Communionen), составленныя изъ нѣсколькихъ семействъ одного поколѣнія, или даже и изъ чужихъ другъ-другу, смотря по нуждѣ и удобству. Каждая такая община подчинена старѣйшему въ ней по лѣтамъ, который называется «господаремъ»; даже женщины равнымъ-образомъ подчиняются старѣйшей-же между ними, которая въ свою очередь величается «господарицею». Господарь и господарица обязаны наблюдать не только за хозяйствомъ, но и за всѣмъ внутреннимъ бытомъ, за благочестіемъ, нравственностію, добрымъ порядкомъ и согласіемъ своихъ домочадцевъ, которые съ своей стороны должны оказывать имъ всякое уваженіе и безпрекословную покорность [78]. Все,

[78] Подобный порядокъ наблюдается изгари и въ Провинціальной-Кроаціи. Тамъ, о-сю-пору, не рѣдко случается, что въ одномъ домѣ, подъ однимъ «господаремъ», живетъ отъ 20 до 30 женатыхъ паръ. Оттого встрѣчаются деревни не рѣдко въ 2 и въ 3 дома, не болѣе.

пріобрѣтаемое однообщинниками, употребляется первоначально на удовлетвореніе домашнихъ потребностей всѣхъ членовъ общины, подъ главнымъ надзоромъ и распоряженіемъ господаря и господарицы: остающееся за-тѣмъ обращается въ личную собственность пріобрѣтателей. Къ службѣ дѣйствительной не каждый изъ граничаровъ требуется; но всякая община выставляетъ извѣстное число годныхъ людей, соразмѣрно съ количествомъ составляющихъ ее семействъ и принадлежащихъ имъ грунтовъ. Обыкновенная, постоянная ихъ служба, состоитъ въ охраненіи границы имперіи отъ чумы, въ держаніи кордона, въ дежурствѣ при карантинныхъ и переговорныхъ заставахъ. Но, во время войны, состоящіе на дѣйствительной службѣ (Dienstmänner) должны являться въ поле и идти всюду, куда прикажется. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ получаютъ они отъ правительства паекъ и жалованье, на-ровнѣ съ прочими регулярными войсками. Во все прочее время, казна имъ даетъ лишь аммуницію. На дѣйствительной службѣ, граничаръ подлежитъ всей строгости военныхъ законовъ; дома, онъ находится подъ общимъ гражданскимъ правомъ имперіи. Внѣ службы, граничары даже не приневоливаются быть всегда въ формѣ. Впрочемъ и на службѣ форма ихъ самая простая и скромная. Они имѣютъ мундиръ темнаго цвѣта съ

синими панталонами. Личскій полкъ отличается желтыми абшлагами и воротникомъ, при желтыхъ также пуговицахъ.

Въ-особенности на-счетъ Личанъ должно прибавить, что между своими братьями, границарами другихъ полковъ, они представляютъ какъ-будто особое племя, особую породу, отмѣченную рѣзкими чертами, физическими и нравственными. Народъ чрезвычайно рослый, статный и здоровый, они созданы богатырями. Въ ихъ мѣдныхъ жилахъ кипитъ огненная кровь. Они готовы на всякій подвигъ, не боятся никакихъ опасностей и препонъ. Съ-тѣмъ-вмѣстѣ они удивительно-какъ просты и добродушны, когда не въ полѣ, не передъ врагомъ: они точно дѣти, у домашняго очага, среди своихъ семействъ. Жизнь и нравы ихъ самые патріархальные, напоминающіе первобытное младенчество людскихъ обществъ [79]. Они безпредѣль-

[79] Вотъ отзывъ герцога фон-Гильдбурггаузенъ, который устроивалъ Военную-Границу, преимущественно касающійся до Личанъ: « Überall sah ich ein kriegerisches tapferes Volk, rohe kunstlose Söhne der Natur, die bei schlechter einfacher Kost unter Arbeit und Fatiguen zur echten hohen Figur des ersten Männergeschlechts, nervigt und fest wie die Eiche des Waldes, ohne Wartung und Kultur emporgewachsen; gutherzig und mild, dabei aber abergläubisch, und voll enthusiastischen Gefühls für militärische Ehre, mit den Gefahren der Schlachten vertraut und lüstern nach Raub, als dem oft erkämpften Preis der Tapferkeit und Kühnheit, nicht durch Weichlichkeit entmannt, und unaufhörlich an ihr Vaterland geknüpft, zur Furchtlosigkeit von der Natur gebildet, der heiligsten Treue und Ergebenheit fähig. »

но привязаны къ своей родинѣ, къ отеческому языку и къ прародительской вѣрѣ. Нигдѣ, у Австрійскихъ Славянъ, не сохраняются святѣе и цѣлѣе древнія народныя преданія, повѣрья, привычки. При всей тѣснотѣ ихъ быта, они неохотно идутъ на чужбину; лѣнивo учатся по-нѣмецки, хотя правительство всячески того домогается; и рѣдко, очень рѣдко, отпадаютъ отъ прародительскаго православія въ католичество или въ унію, несмотря на соблазнъ выгодъ. Коротко сказать: это истинные сыны природы, крѣпкіе и неизмѣнные, какъ окружающія ихъ горы; уединенные и недоступные, какъ населяемыя ими ущелья. Кто хочетъ видѣть чистую славянскую кровь, какъ она сохранилась отъ насильственныхъ приливовъ и азіятскаго варварства и европейской цивилизаціи: тотъ ступай на Лику и въ Крбаву! Здѣсь найдетъ онъ подлинные, неискаженные славянскіе типы, настоящую, неподдѣльную славянскую натуру! [80]

Заключимъ описаніемъ Мутнича, въ которомъ находится отчина и дѣдина рода Кнежевичей. Вообще предѣлъ Крбавскій, занимае-

---

[80] Надо было видѣть извѣстнаго славянина-патріота, доктора Л. Гая, съ какимъ восторгомъ, при встрѣчѣ съ Личанами, восклицалъ онъ: «эво прави Илиръ! иста крвь Илирска!» На языкѣ Гая, «Илиръ», то-есть «Иллиріецъ», значитъ тоже, что «первобытный, чистый Славянинъ».

мый нынѣ преимущественно Удбиньскою и Добро-Сельскою ротами Личскаго полка, несмотря на то что кругòмъ запертъ высокими горами, есть прекрасный уголокъ, щедро облагодѣтельствованный природою. Долина, по которой змѣится рѣчка Крбава, представляетъ довольно просторную равнину, имѣющую въ длину мили три, въ ширину по-крайней-мѣрѣ милю. Воздухъ здѣсь чистый и здоровый; почва плодородная; хлѣбъ и домашній скотъ отличной доброты. Скудно только водой; и оттого въ жаркіе годы все сжигается лѣтнимъ зноемъ, такъ-что жители, обыкновенно богатѣйшіе всѣхъ своихъ сосѣдей, тогда принуждены бываютъ искать у нихъ насущнаго продовольствія. Собственно къ Удбиньской ротѣ принадлежатъ десять селеній: Удбиня, Висучъ, Мутиличъ, Ондичъ, Комичъ, Курьякъ, Буковацъ, Чайлукъ, Ребичъ и Іошане. Въ нихъ считается 526 «кучь» или «господарствъ», съ 6,400 жителями, изъ которыхъ только 1,348 католиковъ, остальные 5,052 православные. Церквей православныхъ 4, католическая 1 въ Удбинѣ. Земли, составляющей грунтовую собственность граничаровъ, считается: подъ пашнями 1,777 іоховъ, подъ лугами 2,801 іохъ, подъ садами 44 іоха, подъ пастбищами 18,550 іоховъ, наконецъ подъ лѣсами, на горахъ, 13,1152 іоха. Селеніе Мутиличъ состоитъ изъ

87 господарствъ, съ одною православною церковью, построенною въ 1745 году во имя Преображенія Господня [81], и одною католическою часовнею. Здѣсь имѣетъ свое пребываніе лейтенантъ роты. Жителей считается 962, въ томъ числѣ 527 православныхъ [82]. Мѣстоположеніе Мутилича весьма живописно. Усадьбы разбросаны по опушкѣ прекраснаго луга, опоясаннаго амфитеатромъ высотъ, передовыхъ уступовъ колоссальной Плѣшивицы. Надъ самымъ селеніемъ господствуетъ крутая и высокая «стѣна», то-есть утесистая гора, называемая Ивановъ-Врхъ. Вершина ея покрыта древними развалинами, остающимися отъ обширнаго зданія, котораго впрочемъ позабыто даже и имя. Въ горѣ, почти отвѣсно обсѣченной со стороны селенія,

---

[81] Въ церковь Преображенія-Господня въ Мутиличѣ, гдѣ Максимъ Дмитріевичъ крещенъ въ православную вѣру, по обѣту Дмитрія Максимовича сдѣланъ, послѣ возвращенія, въ Петербургѣ храмовый образъ, съ богатою серебренною вызолоченною ризою, который, съ приличною надписью, отъ имени супруги покойнаго Максима Дмитріевича Елисаветы Алексѣевны, рожденной Рудневой, всѣхъ четырехъ братьевъ Княжевичей: Дмитрія, Александра, Николая и Владислава Максимовичей, и сестры Катерины Максимовны Перевощиковой, на вѣчную память ихъ происхожденія, отправленъ уже въ Мутиличъ, чрезъ посредство г. обер-прокурора Святѣйшаго Синода графа Н.А. Протасова. Это лучшій памятникъ, какой только можно было поставить въ странѣ, гдѣ вѣра сохраняетъ еще весь огонь дѣвственнаго, первобытнаго энтузіазма, и гдѣ восточное православіе полагаетъ въ нашемъ благословенномъ отечествѣ единственную свою опору или, какъ говорятъ сами туземцы, «первое по Бозѣ упованіе»!

[82] J. J. Fras Topographie der Karlst. Mil.-Grenze, S. 127.

на высотѣ около 50 клафтеровъ отъ подножія, видѣется отверстіе пещеры, замурованное руками человѣческими, съ пролетомъ величиною въ обыкновенное окно. Никто не проникалъ туда, по причинѣ недоступности скалы: въ памяти туземцевъ ничего также не сохранилось, кромѣ-того что пещера называется изстари Ивановой-Печиной. Впрочемъ такихъ «печинъ» много въ окрестныхъ горахъ; и нѣкоторыя изъ нихъ, на-примѣръ Мамулина–Печина въ скалѣ Падалиште, недалеко отъ селенія Іошане, заключающая въ себѣ цѣлый лабиринтъ подземныхъ галлерей, съ большимъ озеромъ и неистощимымъ богатствомъ сталактитовъ, принадлежатъ къ любопытнымъ чудесамъ природы. Амфитеатръ, которымъ окружается Мутиличъ, постепенно возвышается, вырѣзываясь въ прозрачной синевѣ южнаго неба безчисленнымъ множествомъ «главицъ», или горныхъ куполовъ и пирамидъ, изъ которыхъ ближайшія называются: Кукъ, Велики-Яворникъ, Особлинъ, Лисацъ, Брусничъ, Свети-Кремень. Между ними пробирается живописная горная долина, называемая Козья-Драга, перекидывающаяся черезъ самый гребень хребта Шѣшивицкаго, составляющая единственное сообщеніе между равниной Крбавской и владѣніями Турецкими. Высоты, опоясывающія Мутиличъ, большей-частью покрыты роскошною

горною растительностію, густыми деревьями и изобиліемъ сочныхъ, душистыхъ травъ, разливающихъ вокругъ бальзамическое благовоніе, отрадное, упоительное дыханіе свѣжей, дѣвственной, могучей природы...

Пріютъ сокровенный, желанный предѣлъ:
Туда-бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ! —

Печатать позволяется. Одесса, 25 марта 1842.
Цензоръ *К. Зеленецкій.*

ОДЕССКАЯ ГОРОДСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

КАРТА
КАРЛШТАДСКОЙ ВОЕННОЙ ГРАНИЦЫ.

Немецкія или Географическія мили.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17

РОДЪ КНЯЖЕВИЧЕЙ.

2007043270